

АРГУМЕНТЫ
И ФАКТЫ

Юрий Поляков

РОССИЯ В ОТКАТЕ

Коллекция
мировой
литературы

Юрий Михайлович Поляков

Россия в откате

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4853875

Россия в откате: Астрель; М.; 2009

ISBN 978-5-271-22900-8

Аннотация

В книгу вошли статьи известного писателя Юрий Полякова за последние полтора десятилетия. Они представлены именно в том виде, в каком увидели свет – с противоречивыми оценками, меняющимися симпатиями и неудачными прогнозами. И это делает сборник своеобразным дневником эпохи.

Содержание

НЕВОЛЬНЫЙ ДНЕВНИК	4
ОТ ИМПЕРИИ ЛЖИ – К РЕСПУБЛИКЕ ВРАНЬЯ	8
«ГОТТЕНТОТСКАЯ МОРАЛЬ»	15
ПОЧЕМУ Я ВДРУГ ЗАТОСКОВАЛ ПО СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ	23
ОППОЗИЦИЯ УМЕРЛА. ДА ЗДРАВСТВУЕТ ОППОЗИЦИЯ!	32
РОССИЯ НАКАНУНЕ ПАТРИОТИЧЕСКОГО БУМА	39
ЗРЕЛИЩЕ	48
ПАРУСА НЕСВОБОДЫ	56
ГАЙКА – ОРУЖИЕ ДЕМОКРАТА	69
ГРЕШНО ПЛЕВАТЬ В ЧУДСКОЕ ОЗЕРО	77
НАШИ ГОСТОМЫСЛЫ	85
1. Кто такие гостомыслы?	86
2. Без порток, но в джинсах	89
3. Портрет Дориана Грея	93
4. Насчет клубнички	96
5. Последнее прибежище	99
ЧЕЛОВЕК ПЕРЕД УРНОЙ	102
Конец ознакомительного фрагмента.	103

Юрий Михайлович Поляков Россия в откате НЕВОЛЬНЫЙ ДНЕВНИК

Почему поэты, прозаики, драматурги пишут статьи? Неужели они не могут свести счеты со временем при помощи, скажем, могучего романа, острой поэтической строки или комедии, которую современники тут же растащат на цитаты? Могут. Да только процесс художественного творчества долог, противоречив и непредсказуем. Если проводить параллели с медициной, то он напоминает скорее поддерживающую терапию, а возможно, и гомеопатию. Но что делать, когда требуется молниеносное врачебное вмешательство – тот же прямой массаж сердца? Ведь в обществе случаются события, от которых, как пелось в революционной песне, «кипит наш разум возмущенный». В такие минуты хочется сказать политикам, народу, да и самому себе всё и сразу, пока не остыл, не забыл, ведь отходчив русский человек, непростительно отходчив...

Кстати, реакция общества и власти на актуальные публицистические высказывания гораздо острее и болезненнее,

нежели на художественно упакованные инвективы. 6 октября 1993 года «Комсомольская правда» опубликовала мою статью «Оппозиция умерла. Да здравствует оппозиция!», направленную против расстрела Белого дома. А так как все антиельцинские издания были к тому времени запрещены, то это оказался единственный в открытой прессе протест против утверждения демократии с помощью танковой пальбы по парламенту. В итоге «Комсомолку» тоже закрыли. Правда, на один день. Потом одумались и открыли. А когда в декабре того же года в той же газете было напечатано мое эссе «Россия накануне патриотического бума», друзья и недруги решили, что я немного повредился в уме от политических треволнений. Ну в самом деле, в то время слово «патриотизм» стало почти бранным, а теледикторы, если и произносили его, то с непременной брезгливой ухмылкой на лице. Но прошло десятилетие – и вот уже Кремль принимает дорогостоящую программу поддержки патриотического воспитания. Вот оно как!

Когда я собрал и выстроил в хронологическом порядке свои статьи, написанные в течение полутора десятилетий, то осознал: получился своего рода невольный дневник эпохи, искренний, откровенный, насыщенный множеством подробностей, нюансов, через которые только и можно понять исторический Промысел. Впрочем, искренность во все времена – роскошь, и ее могут позволить себе немногие. Именно поэтому редкий политик или вечнолояльный деятель культуры

отваживается собрать в книгу свои статьи и представить на суд читателя именно в том виде, в каком они увидели свет пятнадцать, десять или пять лет назад. Для этого надо верить в то, что твоя общественная или профессиональная деятельность не была противоречива до глупости или изменчива до подлости.

Я не боюсь предстать перед читателем в развитии. Мои ошибки, заблуждения, обольщения происходят не от желания приспособиться к очередному зигзагу истории, а от стремления разобраться в том, «куда влечет нас рок событий». В сущности, тот путь, который проделал молодой прозаик Поляков, сочинивший в начале 80-х «Сто дней до приказа» и «ЧП районного масштаба», прошла и вся думающая часть нашего общества. Мы все изменились. Правда, одни это сделали, ища правду, другие – выискивая выгоду. С годами у меня, кстати, возникло ощущение, что честное заблуждение – самый короткий путь к истине. Готовя статьи к печати, я позволил себе лишь исправить фактические неточности и сократить повторы. Остальное – и противоречивые оценки, и меняющиеся симпатии, и неудачные прогнозы – всё это сохранено в неприкосновенности. Впрочем, найдутся в собранных текстах некоторые мысли, мнения, пред-ощущения, преждевременностью которых я искренне горжусь.

И последнее. Публицистика необходима писателю еще по одной причине. Статьи, точно предохранительные клапаны, позволяют литератору выпустить излишний социаль-

ный гнев, ярость оскорбленной нравственности, мимолетную обиду на подлости эпохи. Это необходимо, ибо настоящий художник не должен валить в свое произведение шелуху сиюминутности, но отбирать осмысленные зерна бытия. Он обязан попытаться понять всех. Ведь у самого последнего негодяя есть своя правота перед Богом, а у самого морального человека – свои помрачения сердца...

Но об этом – в моих романах, повестях и пьесах...

Юрий Поляков, Переделкино,

10 декабря 2008 г.

ОТ ИМПЕРИИ ЛЖИ – К РЕСПУБЛИКЕ ВРАНЬЯ

Человек, сегодня толкующий об упадке общественных нравов, в лучшем случае может вызвать снисходительную усмешку: мол, не учи других жить, а помоги сам себе материально! Выходит, раньше, когда мы влачили существование, у нас оставалось достаточно сил и времени, чтобы поразмышлять о пороках общества. Сегодня, когда за существование приходится бороться, на это нет ни сил, ни времени. И все же...

Если без ностальгических прикрас, то давайте сознаемся: до перестройки и гласности наше Отечество было империей лжи. Сразу оговорюсь: это совершенно не значит, будто все остальные страны были эдакими «правда-легендами», но это пусть пишут их журналисты и литераторы. Итак, мы были империей лжи, но заметьте: это была ложь во спасение... Во спасение сомнительного эксперимента, предпринятого прадедушками многих нынешних демократов и бизнесменов, во спасение «всесильной Марксовой теории», оказавшейся неспособной накормить народ, во спасение той коммунальной временки, которую наскоро сколотили на развалинах исторической России. Нужно или не нужно было спасать – вопрос сложный и запутанный. Полагаю, сидящий в президиу-

ме научного симпозиума и сидящий в приднестровском окопе ответят на него по-разному...

Впрочем, все еще хорошо помнят двойную мораль минувшей эпохи: пафос трибун и хохот курилок, потрясающее несоответствие слова, мысли и дела. Однако это была норма жизни, и сегодня корить какого-нибудь нынешнего лидера за то, что он говорил или даже писал до перестройки, равносильно тому, как если б, женившись на разведенной даме, вы стали бы укорять ее за былые интимные отношения.

Задайтесь вопросом: с какой целью лгали с трибуны, с газетной полосы, с экрана директор завода, ученый, журналист, партийный функционер, писатель, офицер, рабочий или колхозница? Ради выгоды? Но какая тут выгода, если почти все вокруг делали то же самое! В массовом забеге важна не победа, а участие. Да и сама ложь эта скорее напоминала заклинания. Нет, я не имею в виду откровения приспособленцев, которые прежде с гаденькой усмешечкой интересовались: «А вы, случайно, не против партии?» – а сегодня с такой же усмешечкой спрашивают: «А вы, случайно, не против реформ?»

«Но ведь были же еще диссиденты!» Были. Их роль в судьбе России на протяжении нескольких столетий – один из сложнейших вопросов отечественной истории. Трудно ведь давать однозначные оценки, когда историческая личность одной ногой стоит на бронемашине, а другой – на опломбированном вагоне. Поэтому надо бы отказаться от восторжен-

ного придыхания, навязанного нам сначала авторами серии «Пламенные революционеры», а потом серии «Пламенные диссиденты», и предоставить делать выводы и переименовывать улицы нашим детям. А поспешность приводит обычно к тому, что, например, в Москве исчезла улица Чкалова, но зато осталась станция метро «Войковская», названная так в честь одного из организаторов убийства царской семьи.

Нет, я не против реформ и не горюю о рухнувшей империи лжи, я просто констатирую факт, что на ее развалинах возникло не царство правды, а обыкновенная республика вранья. Если огрубить ситуацию и выделить тенденцию, то люди решительно прекратили лгать ради «государственных устоев», взапуски начав врать в корыстных интересах, ради преуспевания клана, команды, политической партии, родного этноса... Собственно, ложь стала первой и пока единственной по-настоящему успешно приватизированной государственной собственностью...

Сегодня уже вдосталь осмеяно поколение людей, менявших свои убеждения согласно очередной передовой статье. В самом деле, эта готовность искренне разделить с государством его очередное заблуждение у кого-то вызывает презрительное недоумение, у кого-то горькое сочувствие, а у кого-то даже мазохистскую гордость. Но ирония истории заключается в том, что люди, осмеивающие тех, кто поверил, будто «уже нынешнее поколение будет жить при коммунизме», сами поверили, что уже нынешнее поколение будет

жить при капитализме. Как сказал поэт: «Ах, обмануть меня нетрудно!.. Я сам обманываться рад!»

Стоит ли удивляться, как почти все наши более или менее крупные политики меняют убеждения в зависимости от «погоды». На первый взгляд вообще может показаться, что нас с вами держат за слабоумных. Но на самом-то деле все гораздо тоньше: тотальная опека коммунистической власти привела общественное сознание к инфантилизму, привычке все принимать на веру. А зачем, на самом деле, было анализировать и сравнивать, если от тебя все равно ничего не зависело? Но теперь-то зависит, и многое, а инерция доверчивости осталась. Ею-то очень умело пользуются сегодняшние не совсем честные и совсем нечестные политики. Но иногда они явно перебирают, путая инфантилизм с идиотизмом. Так, например, можно ли себе вообразить, чтобы большевики в пылу борьбы за власть вдруг заявили, что в окружении государя императора затаились монархисты? Нонсенс! Но мы с вами постоянно слышим заявления о том, что в окружении президента полным-полно бывших партократов...

Однако самые яркие образцы индивидуально-утилитарного вранья, пришедшего на смену государственной лжи, мы имеем на телевидении, которое из коммунистического превратилось в демократическое, но, увы, не в смысле долгожданной объективности, а в узкопартийном (опять!) смысле. Честное слово, даже не знаю, что хуже: камнелицкий, говорящий без запинки диктор застойного времени или нынеш-

ний комментатор, вечно путающийся, но при этом гражданственно морщащий лоб, интимно подмигивающий или инфернально ухмыляющийся?! Но у первого по крайней мере не было выбора: ты говорящий солдат партии и будешь лгать, что прикажут. А новое поколение, такое самостоятельно мыслящее, такое раскованное, даже «Москву – Петушки» промеж правительственных сообщений цитирующее, что же оно? А оно вчера ликовало по поводу шахтеров, бастующих в поддержку демократии, а сегодня так же искренне сокрушается на предмет неразумных авиадиспетчеров, мучающих народ своими нелепыми стачками...

Поймите меня верно: я не наивный романтик и хорошо сознаю, что есть законы политической борьбы, тактика и стратегия, даже разные хитрости... Но уж если мы открестились от большевиков, главным принципом которых была политическая выгода любой ценой и вопреки всяким моральным нормам, то стоит ли в нынешней борьбе за власть пользоваться их «старым, но грозным оружием»? Оно ведь обоюдоострое!

Мне становится очень неудобно, когда я вижу, как пресловутое черно-белое мышление, еще недавно активно использовавшееся в смертельной схватке с мировым империализмом, сегодня просто-напросто переносится во внутривнутриполитическую жизнь. Кстати, не потому ли так легко нашли свое место в новом раскладе именно журналисты-международники? Все ведь, как и раньше, очень просто: правительство под-

держивается цветом нации, оппозиция – красно-коричневыми люмпенами. А вот, кстати, и жуткая ущербная рожа, выхваченная камерой из толпы. И эти недочеловеки еще смеют бороться за власть?! Но, во-первых, неадекватных граждан достаточно на любом массовом мероприятии, только проправительственных шизоидов телевизор нам по возможности не показывает. А во-вторых, за что же тогда должна бороться оппозиция – за право делать педикюр членам правящей команды?

Только, ради бога, не надо мне про конструктивную оппозицию! Конструктивная оппозиция – это когда инструктор райкома, сочиняя выступление ударнику труда, вставляет туда парочку критических замечаний, согласованных с обкомом.

Ну а если с высот большой политики спуститься, скажем, в мелкий и средний бизнес, то мы увидим, как эта «тактическая непорядочность» политиков трансформируется в откровенное жульничество в наших свежеселеных рыночных куцах. Я, конечно, читал и знаю, что период первоначального накопления всегда связан с криминальными явлениями, поэтому большое спасибо, если предприниматель придет приватизировать фабрику с мешком ваучеров, а не с мешком скальпов! Да и почему, собственно, деловой человек не должен по дешевке гнать за границу нашу медь, если главная власть этой самой за границе в рот смотрит и давно уже превратила Страну Советов в страну советов Международного

валютного фонда? А почему бы мелкому чиновнику за определенное вознаграждение не закрыть глаза на сдаваемый за границу целый полуостров Крым – и хоть бы что!

Человек, сегодня толкующий об упадке общественных нравов, в лучшем случае может вызвать снисходительную усмешку... Но ведь без нравственных устоев, без отказа как от государственной лжи, так и от индивидуально-утилитарного вранья ничего путного у нас не получится. Вместо рынка и процветания слепим грязную барахолку, в центре которой будет стоять игорный дом с теми же черными «персоналками» у подъезда и большим лозунгом на фронтоне: «Верным курсом идете, господа!»

«Комсомольская правда», 1992

«ГОТТЕНТОТСКАЯ МОРАЛЬ»

Перед вами – новенький «мерседес». Будучи плюралистически мыслящей личностью, вы можете оценить это чудо западного автомобилестроения по-разному. Например – в долларах. Или – в лошадиных силах. Или – в количестве нервной энергии, потраченной деловым человеком, чтобы заработать эту валюту. Не исключена оценка в тоннах – в том смысле, сколько понадобилось сплавить за рубеж цветных металлов, дабы мечта о «мерседесе» материализовалась. Наконец, можно оценивать и по количеству пенсионеров, роющихся в помойках вследствие «преобразований», которые позволили предприимчивому человеку сменить одну иномарку на другую.

Что ж, о «цветущей сложности» жизни писал еще классик. Но если из всего многообразия точек зрения вы облюбовываете и абсолютизируете только одну и только потому, что она вам выгодна, то знайте: такое отношение к миру и живущим рядом называется «готтентотской моралью». Это – этическая система, точнее, антисистема, обладающая колоссальной разрушительной силой, хотя происхождение самого термина – «готтентотская мораль» – даже забавно.

Однажды миссионер спросил готтентота: «Что такое зло?» – «Это когда сосед украл у меня барана», – ответил тот. «Ну хорошо, а что же такое добро?» – «Это когда я украл у

соседа барана...» Несмотря на первобытную незатейливость этого миропонимания, а может быть, именно благодаря ей, «готтентотская мораль» все шире овладевает нашим обществом, все глубже проникает в него.

Возьмем, к примеру, самое страшное из всего, что происходит сейчас на нашей земле, – межнациональные войны и конфликты. Если вы попытаетесь уловить логику в предъявлении территориальных претензий, то просто голова закружится. В ход идет все: и затерявшаяся в веках история вхождения того или иного народа в Российскую империю, и нелепые административные границы, нагроможденные неуспешными гимназистами, с горя пошедшими в революцию, и пакт Молотова – Риббентропа, толкуемый как кому вздумается, и хрущевские щедроты, и автографы, которые в пылу борьбы за власть раздавали уже ныне действующие руководители... Впрочем, логика все же есть – «готтентотская».

С особой грустью смотрю я на экран телевизора. Ведь как нам грезилось: лишь падет большевистская цензура – получим мы объективную информацию о времени и о себе. Увы, ленинский принцип партийности (разновидность «готтентотской морали») продолжает торжествовать на ТВ, правда, с обратным политическим знаком. Ну в самом деле, почему я должен узнавать последние новости в версии искромечущего Гурнова или трепетного Флярковского? Я просто-напросто хочу получать информацию, изложенную по возможности телегеничным и обладающим четкой артикуляцией дик-

тором. А выводы я могу сделать сам.

Не знаю, как другим, но мне кажется подозрительным, когда про необходимость референдума о земле на телеэкране говорят, поют и даже пляшут, а противоположная точка зрения дается впроброс, да еще со словами комментатора, точно извиняющегося за «дауна», испортившего гостям ужин. Лично я за реформы и за демократическую Россию в широком смысле этого словосочетания. Но я не понимаю, что такое «враги реформ». Враги народа, что ли? Лично я сторонник рыночной экономики. Но меня берет оторопь, когда симпатичная дикторша вдруг злющим-презлющим голосом начинает говорить о «красно-коричневых люмпенах». Допустим, эти люди не хотят расставаться со своими коммунистическими убеждениями так же быстро, как расстались с ними многие из тех, кто вбивал всем нам в головы эти убеждения, в частности телевизионщики. А может быть, они вообще не хотят расставаться со своими убеждениями? Это – их право. История рассудит. Не будем забывать, что подобное уже было: красные профессора убедительно доказывали, а красные корреспонденты убедительно показывали неспособность крестьянина своим умом понять всю жуткую выгоду колхозов. «Готтентотская мораль» в мире информации – страшное дело!

Другой разговор – авторские программы. Если меня утомит пронзительный взгляд А. Политковского, словно бы подозревающего каждого своего собеседника в тяжком уго-

ловном прошлом, я не стану смотреть «Политбюро», а буду оставаться с «Красным квадратом». Когда же я пресыщусь геополитическим конференсом А. Любимова, то переключусь на «Тему», где и без В. Листьева много достойных и умных людей. Но и в авторских программах хотелось бы более широкого спектра мнений. Например, по-моему, очевиден недостаток передач, сориентированных на формирование патриотических чувств. Нет, не советского патриотизма и не национал-патриотизма, а просто патриотических чувств. Ведь сегодня мы переживаем взрыв национально-го самосознания, некогда затоптанного силовым интернационализмом. Если этот взрыв оформится в цивилизованное патриотическое сознание – мы обретем колоссальный источник творческой энергии для возрождения Отечества, да и для умиротворения конфликтов. Патриот с патриотом договорится. Националист с националистом – никогда.

Поэтому, когда я вижу на экране эдаких саркастических небожителей, рассуждающих об «этой стране», точно речь идет не об их Родине, а о неведомой территории, заселенной недоумками, мне хочется им по-спикеровски сказать: «Эх, ребята, что-то вы все-таки недопонимаете, несмотря на ваши умные усмешки и тщательную английскую интонацию. (Кстати, хотел бы посмотреть на английского теледиктора, говорящего с русской интонацией!) Именно недопонимаете, ибо человек, не желающий быть патриотом, обречен однажды проснуться в стране, где к власти пришли фашисты...»

Однако вернемся к рассматриваемому нами феномену «готтентотской морали» и посмотрим теперь, что происходит в искусстве, в частности в литературе. Сегодня, когда меняется идеология, идет и переоценка ценностей эстетических. Причем исподволь людям навязывается мнение: раз социально-политические принципы минувшей эпохи обанкротились, то изящную словесность этого времени тоже нужно выбросить в мусоропровод истории. Появился даже тип литературного предпринимателя – организатор поминок по советской литературе. Может быть, эти образованные и неглупые люди просто не понимают, что советская литература не исчерпывается беллетризованными комментариями к партийным постановлениям? Может быть, они не сознают, что место написания романа – Переделкино, Париж или котельная – далеко еще не определяет его художественный уровень? Понимают и сознают, просто тут мы как раз и вступаем в сферу «готтентотской морали».

Я искренне сочувствую иным нашим критикам и литературным активистам: им не терпится освободить ниши в старом «пантеоне», чтобы заставить их своими, собственноручно отформованными кумирами. Во-первых, льстит самолюбию, а во-вторых, обдуть пыль намного проще, чем пристально следить за сложными извивами художественного процесса и давать им честное профессиональное объяснение. Вчитайтесь в критические разборы, публикуемые как в левой, так и в правой печати, и вы заметите характерную

«готтентотскую» закономерность: создание новых, посткоммунистических литературных авторитетов часто идет по старому, соцреалистическому принципу. Наш, по-нашему думает, по-нашему сочиняет – «подсажу на пьедестал». Ну а если из чужой команды или вообще какой-нибудь литератор, пишущий сам по себе, – не то что понимания, пощады не жди!

Говоря об этом, не могу не остановиться на одном примечательном факте нашей литературной жизни. Состоялось вручение британской премии Букера за лучший российский роман этого года, и лучшим романистом оказался Марк Харитонов, запомнившийся читателям своей повестью про Гоголя, опубликованной в середине семидесятых в «Новом мире». А в шестерку сильнейших кроме него вошли Л. Петрушевская, В. Маканин, Ф. Горенштейн, А. Иванченко, В. Сорокин. Все эти имена у меня сомнений не вызывают, а вызывают только уважение, за исключением, пожалуй, В. Сорокина, работы которого мне представляются подзатынувшимся и не очень талантливым розыгрышем как российской, так и зарубежной читающей публики. Хотя, быть может, я и ошибаюсь...

Но какое отношение к «готтентотской морали» имеет премия Букера, спросите вы? Имеет. И дело не в том, кто именно получил премию, хотя я бы на месте высокого жюри, коль уж выбирать из шестерых, поделил бы ее между Л. Петрушевской и В. Маканиным. А дело в том, что все шесте-

ро принадлежат к одному, пусть уважаемому, достойному, но все-таки одному течению отечественной словесности. Конечно же, как люди одаренные, они не похожи друг на друга, но эта непохожесть, по-моему, укладывается в рамки общего эстетического и духовного направления. Только ведь, как я понимаю, наши британские доброжелатели намеревались в трудную годину поддержать всю российскую словесность, а не одно, пусть даже очень перспективное ее направление. Полагаю, учредители премии сами будут огорчены, когда поймут, что эта благотворительная акция вызвала в литературном мире больше недоуменных вопросов, чем слов благодарности. Впрочем, заграничным благодетелям не привыкать: они часто видят свою гуманитарную помощь на кооперативных прилавках и втридорога...

Однако вернемся к нашим отечественным деятелям и госмужам, которые с родной словесностью поступают совершенно «по-готтентотски». Пока они боролись за власть, они охотно пользовались ее извечной тягой к переустройству мира. Но, усевшись в кресла, как-то сразу про нее и позабыли. А может быть, наоборот, – очень хорошо запомнили, на что способна российская литература, возжаждавшая перемен! Во всяком случае, прежде стоял вопрос, может ли писатель на свои заработки содержать семью. Сегодня стоит вопрос, может ли семья на свои заработки содержать писателя. Тоталитарный режим гноил юные таланты в котельных и сторожках – это общеизвестно. Но мало кто знает, что нын-

че и молодым, и пожилым литераторам гораздо чаще приходится идти в дворники, чем лет десять назад.

«Все сегодня трудно живут!» – воскликнете вы и будете правы. Поэтому не кормления хочет творческий работник, а возможности заработать на прокорм. Как? Нереализованных возможностей много. Вот хотя бы одна. Скажите, пожалуйста, неужели деньги, потраченные на покупку несчетно-серийных рыданий-страданий, после которых чувствуешь себя абсолютным латиноамериканцем, нельзя было пустить на развитие отечественной теледраматургии?

Да что там говорить, если о собственных ученых-атомщиках вспомнили лишь после того, как старшие американские товарищи обеспокоились расползанием ядерного оружия по планете! Об отечественной культуре вспомним, наверное, только в том случае, если атомная бомба бездуховности рванет так, что вылетят стекла и в Кремле, и в обоих Белых домах.

И спросит миссионер русского: «Что такое зло?» – «Это когда сосед украл у меня барана...»

«Россия», 1993

ПОЧЕМУ Я ВДРУГ ЗАТОСКОВАЛ ПО СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Сознаться сегодня в приличном обществе, что тоскуешь по советской эпохе, – примерно то же самое, как в году 25-м сознаться, что скучаешь по царизму. Расстрелять не расстреляют, но на будущее обязательно запомнят...

И все же.

Я не стану рассуждать о России, которую мы потеряли. Это тема необъятная, и об этом еще будут написаны тысячи томов стихов, прозы, публицистики, следственных дел. Я хочу немного поговорить о литературе, которую мы потеряли. О советской литературе. Согласен, само определение – «советская» – довольно нелепо. Почему в таком случае не «нардеповская» или «совнаркомовская»? Но, с другой стороны, ведь не вычеркиваем мы из мировой истории коренных обитателей Американского континента лишь потому, что в результате навигаторской ошибки их называли «индейцами»! Хотя, кто знает, может, это и было первопричиной их печальной судьбы?..

Мы все в неоплатном долгу перед советской литературой. Говорю это совершенно серьезно, отбрасывая в сторону столь милую лично мне и моему поколению «мировую иронию». Именно она, советская литература, волей-неволей

восприняв художественную и нравственную традицию отечественной классики, смогла противостоять той «варваризации» общества, которая неизбежна в результате любой революции. А известные заслуги литературы перед революцией обеспечили ей даже некоторые послабления: Священное Писание в атеистическом государстве было фактически запрещено, а «Воскресение» или «Двенадцать» включались в школьную программу. Да и вообще «преодоление большевизма» началось уже тогда, когда красноармеец Марютка завывала над бездыханным белогвардейцем Говорухой-Отроком, а профессор Преображенский взял да и вернул Шарикова в первобытное состояние. И если бы большевики, опамятавшись, не начертали «Россия, единая и неделимая» симпатическими чернилами на своем красном знамени, то, вполне возможно, возвращение в лоно цивилизации происходило б не сегодня по записочкам Бурбулиса, а полвека назад по задачам И. Ильина. Кстати, не этим ли «симпатическим» лозунгом объясняется обилие красных флагов на митингах нынешней оппозиции, в своем большинстве совсем не мечтающей о возвращении в развитой тоталитаризм?

Да, 90 процентов из написанного в советский период отечественной литературы сегодня читать невозможно. Точно так же, как невозможно сегодня читать 90 процентов из всего написанного за последние семь десятилетий во Франции или в США. Эти книги устарели вместе со своей идеологией, которая есть в любом обществе независимо от того, есть

ли в нем идеологический отдел и вообще ЦК. Там тоже были свои комиссары в пыльных шлемах, свои павлики морозовы, свои целинники и ферапонты головатые. Кстати, «Золотая фильмотека Голливуда», показываемая ныне по нашему ТВ, самое удивительное тому подтверждение! А социализм... Социализм был общепланетарным наваждением заканчивающегося века, а мы народ отзывчивый, увлекающийся. Знаете, как бывает: втянули ребята постарше простодушного паренька во что-нибудь, но сами-то вовремя опомнились, а паренек за всех и отдувался. И великая литература с ним тоже вместе отдувалась...

Всем еще памятно, какая у нас была цензура и как она охотно в отличие от своей дореволюционной предшественницы владела шпицрутеном! Тотальная была цензура: уйти от нее можно было, только эмигрировав, а преодолеть – только художественно. И ведь преодолевали! Борясь за свободу слова, советская литература была вынуждена выдавать тексты с такой многократной степенью надежности, что цензура была бессильна. Знаменитый подтекст Хемингуэя – забава в сравнении с подтекстами советских писателей. Это была мощнейшая и сложнейшая крипто-эстетическая система, понятная читающей публике, да и цензуре тоже. Однако произведения, где инакомыслие достигало градуса художественности, входили (не всегда, но чаще, чем нынче изображают) в правила той странной игры, которая завершилась падением постылого режима и распадом горячо любимой страны.

Советская литература была властительницей дум в самом строгом и упоительном смысле этого слова! Это настолько очевидно, что даже не буду доказывать, а просто предлагаю припомнить общественный трепет, связанный с выходом новой повести Ю. Трифонова или романа В. Астафьева, книги стихов Владимира Соколова или постановкой пьесы А. Вампилова... Имена подобраны в духе личных пристрастий, но каждый может длить этот список по своему вкусу. А обязательный ответственный работник ЦК КПСС, сидящий на писательских собраниях и строчащий что-то в своем служебном блокноте, – это и фискальный знак эпохи, но это и знак уважения власти к литературе, к ее власти над умами...

Тут я, что называется, подставляю горло любому критику с большой дороги: мол, вот она, рабская натура, вот она, тоска по кнуту. Грешен, недовыдавил из себя раба, но иногда мне кажется, что человек, родившийся и сложившийся в тоталитарном обществе, может выдавить из себя раба только вместе с совестью. Во всяком случае, исторически и психологически мне понятнее А. Фадеев, визирующий присланные с беспощадной Лубянки списки приговоренных, чем седоусый «апрелевец», призывающий набычившегося всенародно избранного «власть употребить».

Но пойдем дальше. Советская литература, особенно если брать ее последнюю золотую четверть века, была той редкостной сферой, где осуществилось почти все, декларированное, но не воплощенное в жизнь большевиками. (Не пу-

тать с коммунистами – они у нас у власти никогда не были.) Но история ждать не любит, поэтому объяснения нынешних политиков, исповедующих коммунистические ценности, напоминают обещания отвергнутого мужа не изменять и носить на руках. С одной стороны, очень хочется поверить, а с другой – обидно второй раз оказаться в дураках. Итак, в литературе мы имели жизнь, где в конечном счете побеждали или хотя бы, погибая, показывали свое нравственное превосходство люди честные, добрые, талантливые, бескорыстные... А что касается книжек про кулаков и вредителей, то это тоже наднациональная черта любой литературы – образ врага. Только мы самокритично нажимали на врага внутреннего, а те же американцы – на врага внешнего. Сегодня, когда идет обвальнй перевод средней американской литературы, этот факт очевиден. Кстати, может быть, именно поэтому они остались сверхдержавой, в то время как мы спихнулись с дистанции.

А привитая у нас в стране любовь к художественному слову! Где это, интересно знать, не сотня-другая эстетов, а сотни тысяч обыкновенных людей читали бы интеллектуальную прозу А. Битова или разгадывали историко-литературные шарады мовиста В. Катаева? Или покупали из-под полы долгожданную первую книжку Олега Чухонцева? Не-ет, иногда мне кажется, что развитой социализм – это лучший строй для обеспечения читательского досуга. Если б он еще изобилие обеспечивал – цены б ему не было! Однако серьез-

ные ученые уверяют, что мировая цивилизация будет развиваться в сторону ограничения потребительской разнузданности. Раз так – к опыту социализма, запечатленного, в частности, в советской литературе, человечество еще вернется.

А вспомним Дни советской литературы! Писатели, подавленные местным гостеприимством, влекутся вдоль бесконечного конвейера того же КамАЗа и вяло слушают объяснения главного инженера. А вечером – многотысячный зал, и заводчане, как тогда выражались, слушают гостей-писателей, а наиболее любимых узнают и хлопают заранее. И если во время такого вечера Сергей Михалков в президиуме наклонится к первому секретарю горкома и попросит дать квартиру местному талантливому поэту – через месяц-два новоселье! Я не любил Дней литературы: мне было стыдно похмельно шататься среди работающих людей, мне была смешна организованная местным агитпропом всенародная любовь к литературе. Но нынешнее забвение и равнодушие, оно не смешно, а страшно. Девочке, которая хочет «boot такой миллион», неинтересен Том Сойер, если он не находит в конце клад. Сегодня в литературе, как мне приходилось уже писать, «кафейный период» – был такой в Гражданскую войну, когда все остановилось, и чтобы обнародовать свое новое творение, писатель заходил в литературное кафе, заказывал на последние морковный кофе и ждал кого-нибудь в слушатели. На заваленных всем чем угодно – от Сведенборга до «Счастливой проститутки» – книжных прилавках совре-

менных российских писателей вы почти не найдете. Их издавать невыгодно – и поэтому у них «кафейный период». Заметьте, я говорю не об идейно выдержанных бездарях, они-то как раз устроились и рьяно обслуживают теперь каждый свою крайность. Я говорю о талантливых писателях, которых читали, обсуждали, покупали... Они стали хуже писать? Нет, просто люди стали хуже читать. Привычка к серьезному чтению – такое же достояние нации, как высокая рождаемость или низкое число разводов. Добиться трудно – а утратить очень легко. Ведь добро должно быть не с кулаками, а с присосками, чтобы не соскользнуть по ледяному зеркалу зла в преисподнюю. Восстановление поголовья серьезной читательской публики – общенациональная задача на ближайшие десятилетия.

Но как же случилось, что отечественная литература оказалась в брошенках именно тогда, когда она, к счастью, духовно обеспечила победу демократии и, к несчастью, победу демократов?! Ну подумайте сами: на площади людей вывело истошное чувство социальной справедливости, воспитанное, между прочим, этой самой советской литературой. Вроде как и поблагодарить надо. Ан нет, какой-нибудь косноязычный партократ, брошенный с коксохимии на культуру, заботился о писателях поболее, чем наши нынешние деятели, которые совершенно справедливо в графе «профессия» могут писать «литератор». Да, литераторы – и по результатам политической деятельности, и по вкладу в родную

словесность: жанр мемуаров быстрого реагирования изобретен ими.

В чем же дело? Руки у них не доходят? Возможно... Но я подозреваю, дело в другом: литература – властительница дум – может снова вывести людей на площади, на этот раз с прямо противоположными целями. Допустить этого нельзя, но снова затевать цензуру – глупо. Во-первых, сами промеж собой недодрались, а во-вторых, снова у писателей появится ореол мучеников – и значит, влияние на умы. Все можно сделать гораздо проще. Горстью монет, ссыпанной в носок, можно прибить человека, а можно и литературу. Надо только знать, куда ударить...

Написал – и засомневался: сгустил по российской литературной традиции краски. Потом подумал, еще поозирался кругом и понял: ничего я не перебрал. Одни писатели (в количестве, даже не снившемся застою) работают, чтобы прокормиться, сторожами, грузчиками, лифтерами, но западные журналисты не заезжают к ним, чтобы узнать, как идет работа над романом-бомбой. Другие ушли в политику, но там, сами понимаете, вовремя разбитые очки важнее вовремя написанной поэмы. Третьи стали международными коммивояжерами и мотаются по миру, чтобы с помощью родни и друзей пристроить свой лет двадцать назад написанный роман, про который и в России-то никто слыхом не слыхивал. Четвертые ушли в глухую оппозицию, пишут в стол, но ящик стола уже не напоминает ящик Пандоры, а скорее свинцо-

вый могильник, да и за несуетную оппозицию теперь не дают госдач в Переделкине, как прежде. Пятое... На похоронах пятого, моего ровесника, я был недавно.

А когда я думаю о советской литературе, у меня на глаза наворачиваются ностальгические слезы, как если б я зашел в мою родную школу.

«Комсомольская правда», 1993

ОППОЗИЦИЯ УМЕРЛА. ДА ЗДРАВСТВУЕТ ОППОЗИЦИЯ!

...Под выстрелами толпа любопытствующих дружно приседала. Потом кто-то начинал показывать пальцем на бликующий в опаленном окне снайперский прицел. Били пушки – словно кто-то вколачивал огромные гвозди в Белый дом, наминавший подгоревший бабушкин комод. А около моста, абсолютно никому не нужный в эти часы, работал в своем автоматическом режиме светофор: зеленый, желтый, красный...

Вечером торжествующая теледикторша рассказывала мне об этом событии с такой священной радостью, точно взяли рейхстаг. Что это было на самом деле – взятие или поджог рейхстага, – покажет будущее. Однако кровавая политическая разборка произошла. В отличие от разборок мафиозных в нее оказались втянуты простые люди, по сути, не имевшие к этому никакого отношения. Я – не политик, я – литератор и обыватель. Мне по-христиански жаль всех погибших. Нынешним деятелям СМИ и тому, что осталось от нашей культуры, когда-нибудь будет стыдно за свои слова о «нелюдях, которых нужно уничтожать». А если им никогда не будет стыдно, то и говорить про них не стоит.

Профессиональное воображение подсказывает мне, какой

ад сейчас в душах арестованных. У одних потому, что осознали кровавую цену политического противостояния. У других потому, что хотели большего, а лишились всего. У третьих потому, что представляют себе, как недруги празднуют победу на какой-нибудь правительственной даче. Бог им судья: они сами виноваты, ибо пошли или дали себя повести на крайность, на кровь. Что толкало или подтолкнуло их на это – мы когда-нибудь узнаем. Думаю, произойдет это гораздо раньше, чем полагают многие. Уверяю вас, правда будет отличаться от того мифа, который срочно лепится прямо на наших глазах, как подлинник Ренуара отличается от тех подмалевков, какие продают на художественных толкучках. Не это сейчас главное. Я слушал и участвовал в разговорах людей, толпившихся у Белого дома, на Смоленке, у Моссовета. Правда, в последнем месте от разговоров спорящих часто отвлекала обильная гуманитарная помощь, раздававшаяся прямо с грузовиков. Так вот: того единодушия, которым отличаются комментаторы ТВ, там не было. Большинство склонялось к тому, что виноваты и те и другие.

Противостояния президента и парламента, двоевластия больше нет, но то неоднозначное отношение к происходящему в стране, которое это противостояние символизировало, осталось. От того, что Мстислав зарезал Редедю пред полками касожскими, ничего не изменилось. Как, впрочем, ничего не изменилось бы, если б Редедя зарезал Мстислава... Поляризация в обществе осталась. Поэтому сейчас нужна не

сильная рука, а мудрая голова!

Как справедливо заметил Сен-Жон Перс, плохому президенту всегда парламент мешает. Кстати, на улицах об этом тоже немало говорили. В одной группе спорщиков можно было схлопотать за хулу в адрес президента, в другой – за хвалу. Но все сходились на том, что указы, после которых следует кровь, совсем не то, что нужно стране, уже однажды потерявшей в братоубийственной войне лучших своих людей. И кого сейчас волнует, кто из них был белым, а кто красным?

Итак, оппозиция, пошедшая в штыковую контратаку, уничтожена. Закрыты оппозиционные газеты, передачи, возможно, будут «закрывать» неудобно мыслящих политиков и деятелей культуры... Создатели политических мифов не любят оттенков: у врага в жилах должна течь не кровь, а серная кислота – желательно поконцентрированное. Но, надеюсь, даже активист «Демроссии» не будет спорить, что демократия без оппозиции невозможна. Без оппозиции, действующей, конечно, в рамках закона, выражающей свои политические цели, критикующей находящихся у власти. В противном случае можно и ГУЛАГ объявить оппозицией Сталину, да и считать впредь, что его режим был не тоталитарным, а демократическим.

Оппозиция умерла. Да здравствует оппозиция!

Конечно, инакомыслящим политикам сейчас трудно высказывать свою точку зрения. Ситуация, когда, говоря сло-

вами классика, «где стол был яств – там гроб стоит», – деморализует. И потом, новая оппозиция еще должна оформиться. Не исключаю, что ее будущие лидеры сегодня вместе с Б. Ельциным принимают поздравления, как два года назад вместе с ним же принимали поздравления А. Руцкой и Р. Хасбулатов. Посмотрим.

Я не политик, никогда этим не занимался и, надеюсь, не буду. Я, повторяю, литератор и обыватель, поэтому мне проще говорить об оппозиции. Не о той, что в президиумах, а о той, что в душе. Я хочу воспользоваться неподходящим случаем и сказать о том, что я – в оппозиции к тому, что сейчас происходит в нашей стране. По многим причинам.

Во-первых, потому что как воздух необходимые стране реформы начались и идут очень странно. Представьте, вы пришли к дантисту с больным зубом, а он, предъявив диплом выпускника Кембриджа, начал сверлить вам этот самый зуб отбойным молотком. Я за рынок и за частную собственность. Но почему за это нужно платить такую же несусветную цену, какую мы заплатили семьдесят лет назад, чтобы избавиться от рынка и частной собственности?

Во-вторых, меня совершенно не устраивают те территориальные и геополитические утраты, которые понесла Россия на пути к общечеловеческим ценностям. Я очень уважаю исторический и экономический опыт США, но я уверен: вас бы подняли на смех, предложи вы американцам решить их социальные проблемы (а их и там немало) в обмен на хотя

бы квадратный километр флоридских пляжей. Я уже не говорю о россиянах, оказавшихся заложниками этнократических игр в странах ближнего Зазеркалья. Они-то теперь прекрасно разбираются в общечеловеческих ценностях.

В-третьих, мне совсем не нравится пятисотметровая дубина с бесполом названием «Останкино», которая снова изо дня в день вбивает в голову единомыслие. Ее просто переложили из правой руки в левую, но голове-то от этого не легче. Да и толку-то! Уж как коммунисты гордились «небывалым единением советского народа», а что получилось...

В-четвертых, меня берет оторопь, когда я вижу, в каком положении оказалась отечественная культура, как мы теперь догадались, не самая слабая в мире. Гэкачеписты во время путча хоть «Лебединое озеро» крутили. А нынче в перерывах между разъяснительной работой ничего не нашлось, кроме сникерсов, сладких парочек да идиотского американского фильма, по сравнению с которым наш «Экипаж» – Феллини...

В-пятых, я не понимаю, почему учитель или врач должен влачить нищенское существование, когда предприниматель, детей которого он учит и которого лечит, может строить виллы и менять «мерсы», как велосипеды. Я с большим уважением отношусь к предпринимателям, на износ работающим сегодня в своем сумасшедшем и опасном бизнесе. Я никогда не назову такого человека торгашом или спекулянтом. Это особый и трудный талант. Но ведь человек приходит

на землю не только для того, чтобы купить дешевле, а продать дороже! И талантливый ученый или квалифицированный рабочий, бросившие все и пошедшие в палатку торговать «жвачкой» – это знак страшной социально-нравственной деградации народа.

В-шестых... Впрочем, думаю, и сказанного довольно.

Не знаю, возможно, преодолеть все эти «ужасы», как выражается моя знакомая, президентской команде действительно мешал парламент. Поживем – увидим. Если так, я честно признаюсь, что был не прав, и встану под знамена победителей, хотя, думаю, там уже и сейчас нет ни одного свободного места... Но скорее всего дело в ином: наше нынешнее руководство просто не соответствует тем сложнейшим задачам, которые стоят сегодня перед Россией. А плоскостопие лечить посредством ампутации ног любой сможет. Поэтому, как справедливо говорит президент, нужны новые выборы. А выборы без оппозиции, имеющей доступ к средствам массовой информации, никакие не выборы, а голосование, каковое мы и имели семьдесят лет. Не будете же вы просить девушку выйти за вас замуж, приставив ей пистолет ко лбу?! Конечно, выйдет, если жить хочет. А потом – спать в разных комнатах, бить посуду и подсыпать друг другу тараканы порошки...

...От Белого дома гнали кого-то с поднятыми руками. Мимо проносили очередного убитого или раненого. Мальчишки втихаря вывинчивали золотники из колес брошенных ма-

шин. А светофор все так же работал в автоматическом режиме: красный, желтый, зеленый...

«Комсомольская правда», 7 октября 1993

РОССИЯ НАКАНУНЕ ПАТРИОТИЧЕСКОГО БУМА

Со словом «патриот» за последние годы произошли странные вещи. Уважаемые деятели культуры уверяли нас, будто патриотизм чуть ли не зоологическое чувство, характерное более для кошки, нежели для человека. В газетных шапках различные производные от этого слова появлялись, как правило, в тех случаях, когда речь заходила о каком-нибудь политическом дебоше. Если в просвещенной компании человек лепетал, что социализм, конечно, не мед, но зачем же всю нашу новейшую историю мазать дегтем, как ворота не соблюдшей себя девицы, – его, морща нос, тут же спрашивали: а не патриот ли он, часом? Наконец, меня просто добил эпизод, когда теледикторша с чувством глубочайшего, доперестроечного удовлетворения сообщила, что, по последним социологическим опросам, патриотов поддерживает всего один процент населения.

Никогда не поверю, что у нас в стране столь ничтожное число людей, обладающих патриотическим сознанием. В таком случае России давно бы уже не было, а была бы огромная провинция «недвижного» Китая или независимой Украины. Тут налицо явная подмена понятий. В минуты семантических сомнений я всегда обращаюсь к словарю Даля. От-

крываем и находим: «Патриот – любитель Отечества, ревнитель о благе его, отчизнолюб, отечественник или отчизник...» Как будто все ясно, и слово-то хорошее, чистое, а тем не менее превратилось в политическое, да и в бытовое ругательство. «За что, Герасим? – спросила Муму» – так написано в одном школьном сочинении.

Было за что. Напомню, в прежние времена это слово употреблялось в устойчивом сочетании – «советский патриотизм». Дело тут не в эпитете, который в те годы лепился ко всему: советская литература, советская женщина, советский цирк... Тут проблема гораздо сложнее и тоньше. Но сначала сделаю небольшое отступление. Когда я впервые попал в США и пообщался с тамошними рядовыми налогоплательщиками, то обратил внимание на их своеобразный патриотизм – яркий, демонстративный, напористый – с непременным звездно-полосатым флагом перед домом. Но мне показалось, это была не «любовь к родному пепелищу, любовь к отеческим гробам», а, скорее, любовь к социально-политическому устройству своей страны. Это патриотизм эмигрантов, которые на новом месте зажили лучше, чем на прежнем.

А теперь я хочу предложить читателю одну гипотезу. Мы помним, что Ленина, большевиков всегда грел американский опыт. Обратились они к нему и тогда, когда, говоря по-нынешнему, обдумывали концепцию нового патриотизма без самодержавия, без православия, без народности в стране победившего пролетариата. Поначалу, правда, пыта-

лись обойтись одной классовой солидарностью, но мировая революция как на грех запаздывала. А лозунг «Штык в землю!» хорош, пока ты борешься за власть, а когда ты ее взял и хочешь удержать, необходим совсем другой лозунг, например: «Социалистическое Отечество в опасности!»

Итак, обдумывая эту новую концепцию, большевики, предполагаю, вспомнили об опыте американского, назовем его условно «эмигрантского», патриотизма. Ведь, по сути, 150 миллионов подданных исчезнувшей Российской империи в результате революционных преобразований, оставаясь на своей отеческой земле, на родном пепелище, стали переселенцами, эмигрантами, ибо очень скоро очутились в совершенно новой стране, с совершенно иным устройством и принципами жизни. И если «передовому» россиянину начала XX века полагалось не любить Отечество из-за его реакционной сущности и даже желать ему поражения в войне, то теперь он, напротив, был обязан горячо любить Советскую Россию за новое, передовое устройство. Очень хорошо это прослеживается у Маяковского. «Я не твой, снеговая уродина» – до Октября. «Читайте, завидуйте...» – после Октября. А ведь речь-то шла о той же самой стране – с той же историей, культурой, ландшафтом, населением, правда, сильно поистребленным. Этот новый «эмигрантский», то бишь советский, патриотизм был внедрен в умы и души настойчиво, талантливо, стремительно. И не надо сегодня, задним числом, преуменьшать привлекательность тогдашних ком-

мунистических лозунгов, идей, символов. На них купились не только в России. Вспомните, ведь и Есенин совершенно искренне писал: «За знамя вольности и светлого труда готов идти хоть до Ла-Манша». Любопытно, что не до Босфора и Дарданелл... Правда, в другом месте великий поэт уточнял. «Отдам всю душу октябрю и маю, но только лиры милой не отдам». За это и поплатился, как и тысячи других, надеявшихся совместить новый советско-«эмигрантский» патриотизм с прежним – назовем его также условно «отеческим». И не могли не поплатиться: у выпученных рачьих глазок агитпропа всегда были безжалостные чекистские клешни.

Но совмещение, взаимопроникновение этих двух патриотизмов все равно произошло, ибо новое, как всегда, возводилось на старом фундаменте, подобно тому как заводские клубы строились на фундаментах снесенных церквей. В конце концов этот подспудно шедший процесс совмещения возглавила и подстегнула сама новая власть. Когда? Когда подступила Великая Отечественная. Заметьте, Отечественная, а не пролетарская или социалистическая. Поднять и повести в бой нужно было всех до единого, даже пострадавших, униженных новой властью. Заград-отряд может остановить отступающего, но на смерть ведет любовь к Отечеству. В последней фразе есть, конечно, пафосная условность, но есть и неоспоренная истина. И вот тогда-то до зарезу понадобились такие, например, строчки сотрудника газеты «Сокол Родины» Дмитрия Кедрина:

Стойбище осеннего тумана,
Вотчина ночного соловья —
Тихая царевна Несмеяна —
Родина неяркая моя!

Несмеяна? Да за такое еще год-два назад отрывали голову. Но теперь голову могли оторвать сидевшим в Кремле – и это меняло ситуацию!

Разумеется, все было не так просто и однозначно. После войны были чудовищная кампания против космополитов и не менее чудовищное «ленинградское дело», преследовавшие как раз противоположные цели, но процесс, как говорится, пошел... Кстати, можно вообще нашу культурную жизнь последних трех-четырёх десятилетий проанализировать с точки зрения «единства и борьбы двух патриотизмов». Тогда гораздо понятнее станут и приснопамятная статья А.Н. Яковлева против антиисторизма в 70-е, и пресловутое письмо группы литераторов, направленное против «Нового мира», возглавляемого А. Твардовским, и многое, многое другое. Но это тема серьезного исследования, которое по плечу не мне, дилетанту, а специалисту-культурологу.

Одно можно сказать с уверенностью: каким бы гремучим синтез этих двух патриотизмов ни был, режим он обслуживал. Хотя, конечно, на плацу клялись в верности социалистической Родине, а любили все-таки «стойбище осеннего тумана».

Сегодня даже политическому младенцу ясно: когда наметилось принципиальное изменение политического и экономического устройства нашей страны, этот патриотизм был обречен, ибо являлся немаловажной частью всего каркаса, державшего систему. Конечно, поначалу говорили о социальной справедливости и социализме с человеческим лицом, но исподволь, а потом все откровеннее стала внушаться мысль, что эту страну любить нельзя. Эту страну – с кровавым усатым деспотом на партийном троне, с гулаговскими бараками, с тупыми людьми, стоящими в драчливых очередях за водкой, с вечным дефицитом всего элементарного, с искусством, осуществляющим непрерывный аннилингус власти... И ведь с точки зрения прагматичного «эмигрантского» патриотизма это было абсолютно верно: обещали рай земной, а что нагородили! В общем, как семьдесят лет назад людей напористо выучили любить свою советскую Родину, так теперь столь же стремительно отучили. Эта взлелеянная нелюбовь стала идейно-эмоциональной основой для таких грандиозных процессов, как распад Союза, отстранение от власти компартии, изменение геополитического положения нашей страны в мире...

И когда упоенная теледикторша сообщает, что всего один процент населения поддерживает патриотов, она имеет в виду, что подавляющая часть граждан (тут сделаем поправку на непредсказуемость наших социологических методик) разочаровалась в советском патриотизме, то есть разлюбила бы-

лое социально-политическое устройство своей страны. Но ведь это совершенно не значит, что 99 процентов населения разлюбили свою страну, что они не переживают распад державы, что их радует утрата исконных земель и 25 миллионов россиян, оказавшихся за границей. Это совсем не значит, будто их устраивает наша страусино-аллигаторская экономическая политика, наше вялое «чего изволите» на мировой арене, упадок российской культуры, без всякой поддержки оставленной один на один с обильно финансируемой западной массовой культурой, от которой сами западники не знают, куда спрятаться. А если вести речь об оборонной доктрине, то, извините, чего стоит присяга Отечеству, если его «передовому» человеку и любить-то неловко? Генералы рыдают, что срываются призывы, – я вообще удивляюсь, что хоть кто-то в такой атмосфере надевает на себя военную форму! Зачем? Разве для того, чтобы за большие деньги пострелять из пушки по собственному парламенту!

Но шутки – в сторону! Я берусь утверждать, что, несмотря на жесточайшую спецобработку общественного сознания, патриотизм никуда не делся, а просто временно перешел (даже в душах) на нелегальное положение – ситуация постыдная и чрезвычайно вредная для государства.

Кто в этом виноват, мы вроде худо-бедно разобрались. Теперь самое главное: что делать? На первый взгляд проще всего – спешно приучать людей любить наше новое социально-политическое устройство. Но ведь его пока попросту нет

– руины. А те реформы, что успели наколбасить, подавляющей части населения тоже любить не за что – нищаем. Вот и наши записные рыночники, которые три года назад уверяли, что хватит-де жить верой в светлое завтра, горбатиться на потомков, теперь, решив свои личные проблемы, с той же аввакумистостью запели про то, что рынок построить – не фунт изюму съесть, что процесс этот длительный, а ради счастья детей и внуков можно потерпеть и подзатянуть пояса, стоически проходя мимо обильных витрин. (На «Березках» хоть глухие шторы висели.) Лично я ради свежееотпущенной бородки Г. Попова и тимуровского оптимизма Е. Гайдара терпеть не собираюсь. Ради будущего моего Отечества – дело другое!

А теперь, догадливый читатель, надо ли объяснять, что без новой концепции патриотизма не обойтись, особенно теперь, когда двоевластие закончилось, когда завершена, кажется, битва за гаечный ключ и теперь уже совершенно ясно, кто персонально будет затягивать гайки разболтавшейся государственной конструкции. Да, время лозунга «Баллистическую ракету – в землю!» закончилось. Наступает эпоха лозунга «Демократическое Отечество в опасности!». Не пугайтесь, наши дорогие зарубежные благожелатели, думаю, поисков внешнего врага не предвидится – не до жиру. Обойдемся врагом внутренним. Но суть от этого не меняется: укрепившейся новой власти теперь до зарезу понадобится возрождение патриотического чувства, которое, собственно, и делает

население народом и заставляет людей терпеть то, чего без любви никто терпеть не станет.

Каким он будет, этот новый патриотизм? «Отеческим», новой разновидностью «эмигрантского» или, скорее всего, синтетическим? Не знаю. Будет ли отмыто загаженное прекрасное слово «патриот» (месяц активной работы ТВ) или возьмут что-нибудь новенькое, вроде далевского «отчизнолюба»? Не знаю. Кто будет разрабатывать и внедрять новую концепцию – те же люди, что изничтожили старую, или посовестьятся и призовут новых людей, незапятнанных? Не знаю, хотя, увы, догадываюсь... Одно я знаю твердо. Мы с вами, соотечественники, живем в канун патриотического бума.

«Комсомольская правда», 1993

ЗРЕЛИЩЕ

Когда с дубовым веником под мышкой я подошел к Краснопресненским баням, там бегали люди в бронежилетах с рациями и автоматами в руках. На вопрос, что случилось, свежепопарившийся гражданин со смехом ответил, что какой-то мужик не поделил с кем-то шайку и его застрелили. Наутро из газет я узнал, что застрелили знаменитого Отари Квантришвили. Бог судья покойному. Его убийце, полагаю, судьей будет тоже Бог. Но меня поразило иронически-равнодушное отношение к чужой смерти. Раньше такого не было! Разбомбили сербов – возмутилась, по-моему, только кучка чудаков, прибежавшая с плакатами к американскому посольству, да Б. Ельцин, которого забыли поставить в известность. А если б не забыли? Студенты, которые хотят учиться, а не заниматься мелким бизнесом или рэкетом, демонстрируют возле Дома правительства и требуют своих нищенских стипендий. Ну и что? Да ничего: вчера шахтеры касками стучали, сегодня студенты глотки дерут, завтра еще кто-нибудь притащится за социальной справедливостью. Взглянул прохожий – и мимо. И власть тоже – мимо.

«Каждый народ имеет такое правительство, которое заслуживает» – эта фраза стала уже банальностью. Среди государственных мужей поругивать человеческий материал, выпавший на их долю, стало навязчивой традицией. Ну а если

перевернуть формулу – каждое правительство имеет такой народ, который заслуживает? И в самом деле, давайте порассуждаем о том, какое влияние моральный облик властей предержащих (да простится мне сей старорежимный оборот!) оказывает на общественную мораль, а следовательно, и на всю жизнь общества.

Что и говорить, политический театр минувшей эпохи был крайне скуп на выразительные средства. Хотя, конечно, мы догадывались, что за внешним единодушием президиума съезда, напоминающего в этом своем единодушии большой академический хор, скрываются подлинно шекспировские страсти. Но что мы знали? Вот пошли слухи, что у члена Политбюро имярек сынок что-то там выкинул за границей. Ну, стал не сумевший достойно воспитать сына имярек реже появляться в телевизоре, потом строчка в газете «освобожден в связи...» Дальше – работяги в телогрейках изымают его канонический портрет из длинного ряда портретов где-нибудь на Ленинском проспекте, бросают в грузовик и увозят. А ведь в 37-м в грузовике увезли бы труп! Конечно, мы не были наивными и понимали: сын тут ни при чем или почти ни при чем – идет политическая борьба, а это всегда – торжище и игрище. Но в застойный период она не была зрелищем, и поэтому тогдашние деятели своим личным моральным примером не оказывали прямого воздействия на общественную нравственность. Еще памятная всем формула «Партия – ум, честь и совесть нашей эпохи» оказалась роко-

вой: ведь отсутствие вышеперечисленных качеств связывалось в общественном сознании не с конкретными деятелями коммунистического и международного рабочего движения, а с партией как с политической силой. Именно поэтому она так вдруг потеряла власть. Именно поэтому неотвратимое народное возмездие тоталитаризму закончилось ритуальной посадкой Чурбанова. Именно поэтому большинство президентов в подразделениях СНГ – это бывшие крупные партийные функционеры. Да, политические спектакли прошлой эпохи шли при опущенном занавесе. И вдруг занавес поднялся – оставаясь торжищем и игрищем, политика в нашей стране стала еще и зрелищем!

Помните бесконечные трансляции съездов, которые поначалу смотрелись как «Просто Мария»? Вот Горбачев запросто переругивается с депутатом, запросто лезущим на трибуну. А вот самого Сахарова сгоняют с трибуны за общегуманистическую неуместность! А вот Ельцин публично объясняется по поводу своего исторического падения с моста! А вот Оболенский самовыдвигается в президенты! А вот Бондарев произносит свою пророческую метафору про самолет, который взлетел, не ведая, куда будет садиться! А вот уже и чета Горбачевых, точно погорельцы, спускается по самолетному трапу... Одним словом, большая политика из тайной стала у нас настолько явной, что закончилось все пушечной пальбой по парламенту на глазах у потрясенной отечественной и мировой общественности.

Эта зрелищность большой политики повлекла появление на сцене совершенно нового типа деятеля, разительно не похожего на тех, что мы видели прежде. Вспомните хотя бы Громыко, который во время своих редких телевизионных выступлений говорил так медленно, будто за каждым новым словом ему приходилось отлучаться в соседнее помещение. А ведь то был золотой интеллектуальный фонд тогдашнего Политбюро! Как же нас всех тогда поразил новый генсек, говоривший быстро-быстро и без бумажки! К общеизвестным неправильностям его речи мы относились снисходительно, хотя месяца работы со специалистом хватило бы, чтобы наш первый президент заговорил на хорошем мхатовском уровне. Думаю, тут сказалась та нетребовательность к себе, которая и привела к преждевременному уходу Горбачева из большой политики.

А потом вдруг выяснилось, что можно быстро-быстро и без бумажки говорить не только на родном, но даже и иностранном языке, ибо если прежде для успешной карьеры требовалось поработать на комбайне или помесить раствор, то теперь – окончить спецшколу и пройти стажировку за границей. Впрочем, если бы отцы не месили раствор, то вряд ли их дети стажировались бы за границей. Как заметил классик, каждое новое поколение стоит на плечах предыдущего. Не надо только вытирать о предшественников ноги... Как мы гордились Гайдаром, когда он где-то в европах говорил по-английски без переводчика, хотя, полагаю, по протоколу на-

до бы как раз с переводчиком, но, как известно, понты дороже денег! Впрочем, Гайдар принадлежал уже к новому поколению и отлично сознавал, что является персонажем зрелищной политики. Лично я просто восхищен тем, как оперативно избавился он от своего пресловутого причмокивания. Оставалось еще стремительно похудеть в соответствии с резким обнищанием народа, но не будем отчаиваться – его политическая карьера еще не закончена!

О том, что за власть держатся до последнего, общеизвестно. Но как именно за нее держались в застойные годы, можно было только догадываться, взирая на задыхающегося Черненко. Теперь мы это увидели ясно и четко – вплоть до побелевших от напряжения пальцев, намертво вцепившихся в государственное кресло. А помните, что они говаривали нам в сладкую пору обольщения: мол, власть для них не самоцель, а тяжелая ноша, что, мол, если что-нибудь не получится, они тут же куда-нибудь уедут за рубеж преподавать и т. д. А теперь вспомните, как всем им не хотелось расставаться с тяжелой ношей, и, даже выпихнутые из тронной залы, никуда они не уехали, а толпятся в комнате ожидания, надеясь снова вернуться, хотя, насколько я понимаю, мы с вами уже давно их об этом не просим.

Однако и у прежнего, и у нынешнего поколения политиков есть одна общая, неискоренимая, чисто большевистская черта – неумение и нежелание признавать свои ошибки. То, что реформы не вышли, а если и вышли, то только боком,

сейчас признано всеми, включая и тех, кто эти реформы затевал. Вы слышали хоть слово извинения, хоть лепет раскаянья: «Мол, простите, люди русские и нерусские, бес попутал!» Лично я не слышал. Наоборот, те самые парни, что учудили нынешний развал и оскудение, не вылезая из телевизора, учат нас, как жить, говоря сегодня обратное тому, что провозглашали еще недавно. Говорят, все сказанное не исчезает, но витает где-то в околоземном пространстве. Представляете, каково словам Собчака-91 встречаться там со словами Собчака-94?

А теперь призадумаемся: может ли такое поведение на самом верху не отразиться на нравах в обществе? О каком патриотизме и государственном подходе к делу «новых русских» может идти речь, если они, еще сидя в своих первых палатках где-нибудь возле Курского вокзала, усвоили, что эти ребята там, на Олимпе, занимаются тем же самым, но только в особо крупных размерах? Трудно осуждать мелкого или среднего предпринимателя, перегоняющего свои капиталы на Запад, если он постоянно слышит непроверяемые (или непроверяемые?) факты о гигантских счетах за границей, о каких-то странных лицензиях, о родственниках, перебравшихся за рубеж и там прекрасно натурализовавшихся. Весь год, предшествовавший октябрьским событиям, высокопоставленные бойцы противоборствующих станов обливали друг друга тщательно аргументированными помоями. Когда схватка закончилась, никто не стал отмываться, а все

сделали вид, что ходить с повисшей на вороту бранью – просто новый стиль одежды. О том, как этот новый стиль отразится на миропонимании рядового налогоплательщика, никто не позаботился.

Но, конечно, самое губительное воздействие на общественную мораль оказали уже поминавшиеся нами октябрьские события прошлого года в Москве. Ведь суть этих событий, давайте сознаемся, заключается в том, что одним махом было зачеркнуто то, что Бердяев очень точно назвал «преодолением большевизма». А ведь это был длительный, мучительный процесс, вобравший в себя и государственническую переориентацию режима в 30-е годы, и возвращение к патристическому сознанию во время войны, и хрущевскую «оттепель», и неуклюжую либерализацию при Брежневле, и горбачевский апрель... Как холостой выстрел «Авроры» вверг страну в Гражданскую войну, так нехолостые залпы на Краснопресненской набережной ввергли, а точнее, вернули нас в ту страшную эпоху, когда господствовал принцип, сформулированный писателем-гуманистом: «Если враг не сдаётся, его уничтожают». Любопытно, что среди тех, кто подталкивал исполнительную власть к крутым мерам, было немало писателей, считавших, а может быть, и продолжающих считать себя гуманистами. А теперь попробуйте упрекнуть преступника, на заказ застрелившего строптивного банкира. «Эге, – скажет он, – заказное убийство из пистолета – плохо, а из пушек – хорошо?» И будет, как ни стыдно признаться,

по-своему прав!

Вот к чему приводит зрелищность в политике, когда персонажи забывают, что их пример заразителен. И мне почему-то вспомнился рассказ мемуариста о том, как в первые годы советской власти какой-то красноармеец, сидя в театре, так вознегодовал на шиллеровского негодяя, что вскинул винтовку и застрелил актера наповал. Но наши нынешние политики не актеры, а мы не зрители. Вот о чем хорошо бы помнить, составляя меморандумы о гражданском мире, иначе все это окажется очередным никого ни к чему не обязывающим зрелищем. Впрочем, у В.И. Даля можно найти синоним слову «зрелище» – «позорище», но в этом своем забытом значении оно сегодня в русском языке не употребляется. А жаль...

«Комсомольская правда», 1994

ПАРУСА НЕСВОБОДЫ

Нынешнее наше отношение к собственной недавней истории иногда напоминает мне запоздалую и неумную мстительность разведенной жены, которая, вернув свою полузабытую девичью фамилию, принялась бегать по соседям и всем рассказывать о том, какой ее бывший муж был хам, сквалыга и скотина. А соседи, вежливо кивая, только подсмеиваются, ибо новый поселившийся у разведенки мужик от прежнего отличается разве лишь тем, что брюхо имеет более да шею полиловее и погрязнее...

Редкий нынешний деятель культуры, добравшись до эфירה, не заведет речь о монстре тоталитаризма и вампире социализма, изначально враждебных творческой личности и погубивших талантливых людей без числа. Сказав об этом, как в прошлые времена поблагодарив партию о заботе, можно начинать разговор и по существу: о духовном оскудении общества, о воцарении духа бессовестной и безоглядной наживы, об утрате нравственных ориентиров, о нищенской жизни нынешней интеллигенции, вероятно, именно таким образом наказанной за свой безответственный поводыризм, за который не «Вехами» надо бы и не «Глыбами», а оглоблей...

Любопытно, что мысли о несовместимости таланта с социализмом, о невозможности самореализации незаурядной личности в совковой действительности впервые, на заре

гласности, начали высказывать не какие-нибудь творческие заморыши или воинствующие графоманы, а худруки знаменитых театральных коллективов, всемирно известные наши музыканты, выдающиеся кинематографисты, литераторы, выпускавшие прижизненные собрания сочинений. При этом они как-то забывали объяснить тот странный факт, что сами встретили перестройку не в психушке, не в бойлерной, не в нищей эмиграции, а в ореоле славы, тогда именовавшейся всесоюзной.

Развитой тоталитаризм не столько утеснял деятелей культуры, сколько их ублажал, правда, при условии соблюдения определенных правил поведения. Во-первых, нужно было верить или делать вид, что веришь в прогресс в рамках существующего порядка, во-вторых, если и критиковать систему, то в терминах господствующей идеологии (замечательный образчик – слова одного известного поэта с трибуны: «Красный карандаш цензора и красное знамя – не одно и то же!»), в-третьих, нельзя было выносить сор из избы. Помню, когда моя повесть «Сто дней до приказа» начала ходить по Москве в рукописи, меня пригласили и очень серьезно предупредили, что в общем-то разделяют пафос моего сочинения, но лишь до тех пор, пока его не опубликовали какой-нибудь «Посев» или «Метрополь».

«Ага, – воскликнете вы, – ведь был еще и андеграунд, подлинное искусство, не склонившее гордой выи перед режимом!» «Был», – отвечу я. И историкам литературы еще пред-

стоит разобраться, кто обязан больше тоталитаризму, – соцреализм или андеграунд!

Думаю, в равной степени. Дело в том, что и социализм, и андеграунд отличаются эстетической самонедостаточностью. Поясню на простом примере: бывают стихотворные тексты, оставляющие нас совершенно равнодушными, пока их не положат на музыку. Тот, кому приходилось читать стихи В. Высоцкого, которые он никогда не пел, понимает, о чем идет речь. Так вот, для книг соцреализма такой музыкой были шумная пропаганда и реклама, хвалебные статьи, экранизации, инсценировки, включения в школьную программу. А для андеграунда такой же музыкой были разгромные статьи, бульдозерные атаки режима, слепые машинописные копии, глушение по радиоголосам... И в первом, и во втором случаях сам текст играл роль второстепенную. Да простит меня лауреат Нобелевской премии Иосиф Бродский, но, собственно, его стихи, при всем моем к ним академическом уважении, оказали на общественное сознание советского общества влияние гораздо меньшее, чем, скажем, творчество известного художника-ленинописца Исаака Бродского. Другое дело конфликт Бродского-поэта с режимом, отъезд за рубеж и последующий мировой триумф. Трудно сказать, как сложилась бы его судьба, если б вместо того, чтобы оказаться под судом за тунеядство он, как Александр Кушнер (поэт, на мой взгляд, не менее талантливый), выпустил бы книжку в «Советском писателе»...

С падением режима, обеспечивавшего самонедостаточные тексты «музыкой», последовал крах как соцреализма, так и андеграунда. Испытания на самооценку не выдержали ни тот, ни другой. Испытание выдержали хорошие писатели, крупные художники, которые в катакомбы не спускались, но, печатая то, что можно было «пробить», «непроходимое» хранили в своих письменных столах до лучших времен. Я очень хорошо помню этот «парадокс гласности», когда вчерашние лауреаты доставали из своих финских письменных столов, купленных по литфондовскому ордеру, самый крутой непроходняк. А подвижники андеграунда выходили навстречу заре общечеловеческих ценностей с приветственно воздетыми вверх пустыми руками (литература русского зарубежья – отдельная тема). Думаю, сегодня сыновнюю тоску по тоталитаризму в одинаковой степени испытывают как отставные деятели соцреализма, так и бывшие труженики андеграунда. Как ударники-метростроевцы, они встретились в тоннеле, который рыли с двух сторон...

Чтобы понять свое прошлое, нужно прежде всего усвоить: историческая публицистика, а тем паче историческая наука – это не конкурс на самый меткий плевок! А застой, давайте признаемся хоть сегодня, был не только результатом одряхления системы, он был и результатом вполне понятного стремления избежать «великих потрясений», каковых в текущем веке на Россию навалилось сверх всякой меры. Люди, руководившие в ту пору государством (я имею в виду не тех, что

кемарили по президиумам), очень хорошо знали, что горные обвалы иной раз начинаются с оброненного спичечного коробка и что реформы легко только «начать». Во всяком случае, когда теперь за полночь я спускаюсь, чтобы возле подъезда в палатке купить банку американского пива, я почему-то всегда вспоминаю, что Крым и Байконур – нынче за граница, а в переходах не протолкнешься от нищих. Но пиво пью...

Понимали те прежние руководители и другое: в стране, где в силу укорененной однопартийности нет оппозиции политической, ее нужно придумать. Такой придуманной оппозицией и стала советская культура, а также ее подземные коммуникации – андеграунд. Кто в те годы бывал в писательском Переделкине и видел мирное сосуществование под сенью Литфонда инакомыслящих и какнадомыслящих, полагаю, не станет спорить со мной по этому поводу, конечно, если его сильно об этом не попросят. В общем и целом интересы «придумавших» и «придуманных» совпадали. Власти, как организму гормоны, необходима относительно безопасная критика, а настоящего художника всегда раздражает от претензий к современной ему эпохе, будь это феодализм, капитализм или социализм. Неудовлетворенность существующим порядком вещей – главная особенность, да и обязанность любого творца.

Вот строчки:

Довольно: не жди,
Не надейся —
Рассейся, мой бедный народ!
В пространство поди
И разбейся,
За годом мучительный год!

Века нищеты и безволя.
Позволь же, о родина-мать,
В сырое, пустое раздолье,
В раздолье твое прорыдать:

...Туда, – где смертей
И болезней
Лихая прошла колея, —
Исчезни в пространство,
Исчезни, Россия, Россия моя!

Интеллектуалы и мужья-ревнивцы схожи: и те и другие так и норовят крикнуть в критической ситуации: «Так не доставайся ты никому!» Но я о другом. Вдумчивый читатель, даже не узнав стихов, сообразит: принадлежат они не нашему современнику, ибо сразу бросаются в глаза такие анахронизмы, как «мой бедный народ», «родина-мать», «Россия моя...». У современного поэта было бы «народ-рогоносец», «эта страна». Но пафос, согласитесь, близок нынешним настроениям передовой части отечественной интеллигенции. А ведь приведенные строки – это знаменитое сти-

хотворение Андрея Белого «Отчаянье», написанное в 1906 году, то есть в эпоху, которую мы сегодня называем Серебряным веком, в ту эпоху, когда Россия на всех парусах двинулась к своему баснословному 1913 году. Андрей Белый умер в 1934 году, как сказано в некрологе, «советским писателем» и, полагаю, видел в последние годы жизни много такого, что может повергнуть душу в беспросветное отчаянье. Но своеобразии психологии творчества заключается и в том, что для полноценного художественного отчаянья творцу требуются известная бытовая устроенность и определенная личная безопасность. И наоборот, писатель, живущий впроголодь и каждую ночь ожидающий ареста, совершенно неожиданно начинает создавать образцы художественного оптимизма:

Ветер воется дующий
В паруса несвободы.
Чепуха. Я войду еще
Под победные своды.

(Николай Глазков, 1939)

Агрессивно-жизнеутверждающий пафос искусства сталинского периода – это не только прихоть безжалостного социального заказчика, в чем нас сегодня стараются убедить ястребы партийной публицистики, сделавшиеся в одночасье кенарами общечеловеческих ценностей. Это еще и чисто художническое стремление – поймать ветер светлого ис-

кусства, пусть даже в паруса несвободы! Характерно, что по мере предсказанного Бердяевым преодоления большевизма, по мере оттаивания режима, вплоть до того момента, когда каждый народ в нашей многонациональной стране получил право избирать и быть избранным, советское искусство становилось все пессимистичнее, угрюмее. С чего бы? Ведь за то, за что раньше превращали в лагерную пыль, теперь всего-навсего приглашали на беседу в ЦК. Любопытная деталь: с перебравшим в своей оппозиционности деятелем культуры разговаривали гораздо мягче, нежели с проштрафившимся хозяйственником или нашкодившим номенклатурным главначпуком. Оно и понятно: оппозицию нужно уважать, тем более что это не оппозиция режиму, а оппозиция режиму. Разница существеннейшая: оппозиция режима сидела в президиумах, а оппозиция режиму – в лагерях или в эмиграции. Но я, молодой литератор, написавший нечто супротив комсомола под названием «ЧП районного масштаба» и вызванный в этой связи на заоблачный ковер, в ответ на вопрос хозяина кабинета: не повредит ли моя повесть будущим видам России, горячился и доказывал, что у писателя одна цель – правда, которая должна восторжествовать, пусть даже рухнет мир... И вот мир, прежний советский мир, рухнул. Кстати, тот деликатный функционер нынче в отставке без мундира. А при мундирах его соседи по цеховскому этажу, те, что на меня орали.

Тоталитаризм рухнул, о чем я уже не раз писал, в резуль-

тате восстания партноменклатуры против партмаксимума, ограничивавшего ее аппетиты. До 1861 года в России были крепостные-миллионеры, которых помещики ни за что не отпускали на волю. Примерно в том же положении оказалась к началу 1980-х и номенклатура, вместе со своей безграничной властью она безраздельно принадлежала партии, заглядывавшей в кастрюли и постели. Надо ли объяснять, что в этих обстоятельствах 6-я статья Конституции СССР была обречена.

Пикантность ситуации заключается в том, что реальная оппозиция режиму (номенклатура) выражала свои интересы через оппозицию «придуманную», оппозицию режима (интеллигенцию). Традиционное недовольство интеллектуальной элиты временем умело ретранслировалось в общественное сознание, где, концентрируясь и накапливаясь, рождало революционные настроения.

Человеку всегда поначалу кажется, что проще взорвать старый дом и выстроить на том же месте новый, краше прежнего. Это потом, горюя на обломках, мы задним умом понимаем, что худая эволюция лучше хорошей революции. Но во время эволюции завлабы не становятся министрами, лейтенанты запаса – генералами, а мелкие жулики – миллиардерами. Это происходит во время революций. Может, Господь Бог и замыслил интеллигенцию в основном для того, чтобы объяснять народам преимущество эволюционного пути перед революционным, но с этой задачей российская интелли-

генция в который раз не справилась, ибо уж слишком упоительным оказалось ощущение, что твое слово, твоя правда становятся движущей силой творящейся прямо на глазах истории. У порядочных людей отрезвление наступило довольно быстро: выяснилось, что «твоя правда» – это лишь набор заблуждений, которые прежняя, свергнутая идеология запрещала высказывать вслух. Более того, даже правдивое слово честного человека может привести в движение «миллионов сердца» лишь в том случае, если это выгодно нечестным людям, борющимся за власть. Когда это им невыгодно, ты можешь оборотиться – никто ухом не поведет. Думаю, те, кто следит за нынешней оппозиционной прессой, да и вообще за прессой, со мной согласятся.

Однако жалующийся на нынешнюю жизнь деятель отечественной культуры вслух никогда не сознается в том, что своим теперешним ничтожным состоянием он, как ни странно, обязан своей гигантской роли в деле сокрушения прежнего режима. Ведь даже самому либеральному владыке закрадывается опасная мысль: если смогли тогда, то смогут и сейчас, коль разонравлюсь!

Именно поэтому, полагаю, решено было, выражаясь языком зоны, «опустить» властителей дум, которые укоренившимся, обседевшим глубокие кресла и обжившим госдачи новым властителям страны теперь уже без надобности и даже опасны. И сразу как-то не стало средств на отечественный театр и кинематограф, творческие союзы, серьезное книго-

издание, воспитание творческой молодежи... «Дак, рынок, елы-палы!» – скажет кто-нибудь.

Извините! Кому рынок – а кому мать родная. Нынешним демчиновникам уже не хватает помещений бывших райкомов и исполкомов, зато средств на содержание этой втрое по сравнению с застоем возросшей оравы дармоедов хватает. Хватает и на многократно возросшую охрану демократических лидеров. Выходит, коммунисты боялись народа меньше.

Хватает на все присущие власти излишества, а на отечественную культуру не хватает. Недавно бывший узник ГУЛАГа, автор знаменитых «Черных камней» Анатолий Жигулин позвонил моему товарищу и пожаловался, что у него просто нет денег на хлеб! Кто сыт его, Анатолия Жигулина, хлебом? В самом деле, зачем нынешнему режиму честно, а значит, оппозиционно мыслящие писатели? Ему хватает оппозиции в лице сидящих без зарплаты работяг да акционеров разных АО, рухнувших потому, что правительство очень хочет, как я подозреваю, регулировать рынок с помощью большевистской «вертушки». Находят, правда, деньги на тех, кто по первой команде сверху готов по примеру великого пролетарского писателя кричать: «Если враг не сдастся, его уничтожают!» Так было в дни «черного октября». А потом по команде они же принялись кричать о гражданском согласии, очень напоминающем перерыв между раундами, когда тренеры объясняют вымотанным боксерам, как

лучше нокаутировать противника. И в этой новой политической ситуации невоплотившийся принцип буревестника революции заменен другим: «Если враг не сдается, его унижают!» Собственно, это и есть краеугольный камень нынешней информационной политики. Заметьте, официальные и официозные СМИ не полемизируют с противниками курса, они над ними иронизируют. Глумятся, короче говоря. Чем закончилось глумление над «хваленой американской демократией» наших прежних идеологов, мы знаем. Чем закончится нынешнее глумление над оппозицией, можно догадаться.

Что же делать? Куда писателю податься? Снова ловить ветер в паруса нынешней, более высокоорганизованной несвободы?

То, что я хочу сказать сейчас, возможно, будет воспринято как явное противоречие с тем, что сказано выше. Возможно, и так... Душа ведь не прибор для демонстрации неизблемости законов школьной физики. Сегодня, по-моему, уже всем очевидно, что маятник отечественной истории отклонился до отказа и даже начал свое движение в обратную сторону. Движение это будет стремительно нарастать, в сущности, независимо от того, физиономия какого политического лидера красуется на маятнике. Этот со свистом летящий в обратном направлении маятник можно очень легко использовать вместо ножа гильотины. Вжи-и-к! Пополам...

Если это случится, мы потеряем все, что приобрели за минувшее десятилетие. Да, приобрели, потому что наряду

с чудовищными утратами были и приобретения. Ибо даже неудавшиеся реформы – это приобретенный экономический опыт, своего рода «знаю, как не надо». Геополитические потери – тяжкие, обидные, но необходимые уроки на будущее. Номенклатурная демократия, хоть она и осуществляется вчерашними партократами, – все-таки не партократия.

Несущийся со страшной силой в обратную сторону маятник может все срезать под корень. Некоторые публицисты, с языками, липкими от наклеивания ярлыков, называют это угрозой фашизма. Обозвать страшным – особенно в нашей стране – словом неугодные общественно-политические процессы проще всего. Но в конце концов важно другое: метание из огня да в полымя никогда не идет на пользу стране, хотя тому, кто изучает макропроцессы, это может показаться интересным. Я не изучаю Россию, я живу в ней... Что же делать? Не знаю... Знаю лишь, что сегодня нужен весь гуманистический опыт российской культуры, весь авторитет отечественной интеллигенции, точнее, его остатки, напряжение всех сил, чтобы вернуть утраченное и не утратить при этом приобретенное. Готовы ли мы к этому? Или опять все повторится по горестной схеме Блока:

И падают светлые мысли,
Сожженные темным огнем...

«Правда», 1994

ГАЙКА – ОРУЖИЕ ДЕМОКРАТА

Сегодня, когда мы пытаемся понять, отчего пошла вразнос Русская земля и почему в ней начали княжить люди, которых и на пушечный выстрел подпускать к власти нельзя, особенно гневные упреки бросаются в адрес интеллигенции – творческой в первую очередь. Именно она, обладая мощными средствами эмоционального воздействия на общественное сознание, создала тот образ внутреннего врага, какового и сокрушил очнувшийся от тоталитарной летаргии народ. Скажу больше; на мой взгляд, народ был умело поднят на борьбу с талантливо выполненным художественным гротеском, с мифом о режиме, пожирающем своих граждан, а сам конкретный режим и – шире – строй свалены были попутно, впопыхах, на скаку к зловещей мельничной голограмме.

Я совсем не хочу сказать, будто у предшествовавшего мироустройства не было недостатков, вопиющих, унижающих, маразматических, но, по моему глубокому убеждению, это были недостатки изживаемые, устранимые эволюционным путем. Думаю, для большинства рядовых налогоплательщиков и по сей день социализм с человеческим лицом ближе, нежели дикий капитализм даже с лицом Ростроповича. И главная вина отечественной интеллигенции, по-моему, в том, что она снова помогла навязать обществу революцион-

ный путь, путь потрясений под видом преобразований, приведший к колоссальным геополитическим, экономическим и культурным утратам. Чуть перефразируя А. Зиновьева, можно сказать: целили в ритуальное чучело коммунизма, а попали в реальную Россию.

Мне уже приходилось писать, что советская интеллигенция – и в этом ее главная особенность – была не оппозицией режиму, а оппозицией режима, который сознательно культивировал эту оппозиционность отчасти для демонстрации своей широты Западу, отчасти для того, чтобы восполнить отсутствие настоящих политических оппонентов. Была, как показали события, и еще одна причина. Когда партноменклатура (в широком смысле этого слова, ибо завкафедрой политэкономии и главный режиссер театра более «номенклатурны», чем, скажем, инструктор райкома) открыто взбунтовалась против партмаксимума, на штурм «старого мира» побежали не матросы, перепоясанные пулеметными лентами, а именно отечественные интеллигенты, размахивая томиками «тамиздата». Что же касается выступлений нашей интеллектуальной элиты в прессе и на телевидении, то их можно смело сравнить с залпом из всех корабельных орудий «Авроры», и совсем даже не холостым...

Поговорите с любым честным западным интеллектуалом, и он порасскажет вам о своем родном обществе такого, что вам тут же захочется в Москву, в Москву... Мыслящий человек всегда оппозиционен существующему порядку вещей.

Но скептическое отношение многих американских интеллектуалов к капиталистическим ценностям и внешнему экспансионизму Штатов не привело там к социалистической революции, расстрелу Белого дома из танков, а южные штаты не оказались унесенными ветром в Мексику. Зато мы, разрушив Берлинскую стену между немцами, возвели беловежскую стену между русскими. Лично мне не очень-то нужны такие общечеловеческие ценности, которые можно получить только в обмен на наши национальные интересы. Хотел добавить «дураков нет», но понял, что это выражение в данном случае не подходит.

Сегодня мало кто может повторить вслед за Чаадаевым: «Слава Богу, я ни стихами, ни прозой не содействовал совращению своего Отечества с верного пути... Слава Богу, я не произнес ни одного слова, которое могло бы ввести в заблуждение общественное мнение...» Лично я – не могу. Нет, речь не о тех холуях умственного труда, кому все равно, какой режим обслуживать и что говорить, лишь бы давали чаевые, а чаевые по сравнению с советским периодом выросли на порядок. Весь вклад этих людей в сокровищницу отечественной политической мысли свелся к тому, что формулу «С Лениным в башке, с наганом в руке» они трансформировали в нечто вроде «С Сахаровым в башке, с «калашниковым» в руке».

Речь о других, о тех, что, совершенно искренне и публично предавшись упоительному российскому самоедству,

принимая его за покаяние, сами не заметили, как внушили чувство исторической неполноценности целому народу, позволили нанести сокрушительный удар по патриотическому сознанию, которое выплеснули вместе с коммунистической идеологией. Вспомните, еще совсем недавно патриотизм был просто бранным словом и «зоологическим» чувством. А Великую Отечественную войну сначала сократили до аббревиатуры ВОВ, а потом и вовсе стали выдавливать из нашей истории, представляя маршала Жукова истребителем собственных солдат, которые к тому же не умели воевать. Сейчас вроде одумались, но тем не менее к 50-летию Победы готовимся как-то с оглядкой, словно извиняясь за славу собственного оружия.

Ныне много говорят о безнравственности политики и низких моральных качествах самих политиков. Президент в каком-то телевизионном интервью признался, что отец его порол... Возможно, это и осталось бы фактом его трудного детства, а не отечественной истории, если бы деятели культуры толпами не бегали к нему в Кремль и не призывали выпороть сначала компартию, потом непримиримую оппозицию, затем парламент и т. д. Теперь они очень удивляются, что для очередной порки заголиться предложили им самим. А дело уже идет к тому, чтобы широкий ремень очередного «отца народов» стал основным способом решения всех проблем. Успевшие убежать от порки за рубеж, облокотясь о кафедры западных университетов, будут хаять русский народ, не

выдержавший испытания демократией. Дурной интеллигенции, знаете, всегда народ мешает...

Но я-то веду речь о тех, кто не собирается менять место проживания, кто независимо от этнической принадлежности хотел бы, как сказал поэт:

...долгие годы
На родине милой прожить,
Любить ее светлые воды
И темные воды любить...

Что могут они? Что можем мы? Очень немного. Можем не подавать руки нашему коллеге, совершившему интеллектуальную подлость. Редко, но помогает. Можем в тех нечастых случаях, когда власть интересуется нашим мнением, а не мнением будущих преподавателей Кембриджа и Гарварда, говорить то, что думаем, а не то, что от нас хотят услышать. Редко, но прислушиваются.

Можем, а точнее, обязаны помочь людям на следующих выборах (если состоятся) отличить серьезного, совестливого политика от очередного телевизионного позера с уровнем мышления кафедрального интригана. Уж и не знаю, что хуже: былой партократ, путающий управление государством с аппаратными играми, или былой завлаб, путающий управление страной с компьютерными играми. Как сказано, оба хуже...

Увы, от слоя населения, который принято именовать у

нас в стране «интеллигенцией», сегодня зависит очень мало: слишком низок нравственный, да и социальный авторитет. Сами виноваты: нельзя в одних случаях целовать броню танков, а в других – плевать на ту же броню в зависимости от того, какую политическую задачу эти танки выполняют. За танки в Чечне пусть вольнолюбивый Кавказ благодарит тех, кто призывал «добить гадину» на набережной Москвы-реки.

Но есть и еще один аспект: «опустить», как выражаются в местах не столь отдаленных, интеллигенцию независимо от ее взглядов, уверен, решили совершенно сознательно. Укрепившейся власти не нужны властители дум, ей нужна идеологическая обслуга. И обратите внимание – в самом беспомощном положении люди умственного труда оказывались при самых интеллигентных правительствах. Самоуверенный образованец, дорвавшийся до рычагов, – это та еще штучка! Для Горбачева и Ельцина, например, Солженицын – это все-таки Солженицын, а для писучего Гайдара, сына и внука писателей, он всего лишь старый ворчун, проспавший свой выход в грандиозном шоу под названием «Возрождение России». Это, кстати, и было продемонстрировано во время выступления автора «Архипелага» в Думе.

Реализм сегодня не в чести не только в политике, но и в искусстве. Вспомните, чем больше лютовала цензура, тем выше в прежние годы мы ценили произведения, которые несли в себе помимо чисто художественных моментов и честный анализ происходящих в обществе процессов. Лю-

бопытно, что реализм был пасынком и после Октябрьской революции. Это понятно: реализм дает оценку мироустройству на языке, понятном всему обществу, а не узкому слою посвященных, в тех редких случаях, когда есть во что посвящать. Недавно я беседовал с одним «новым русским» и сослался на книгу Юрия Трифонова. «А кто это?» – спросил он...

Совершенно не случайно оставленное государством без призора воспитание творческой молодежи сегодня взяли на себя различные, в основном зарубежные, фонды, отмечающие своей благосклонностью и премиями, как правило, наименее сориентированных на социальную проблематику и на национальные ценности авторов. Идеал – текст, чье влияние на умы ограничивается участниками семинара при кафедре русистики.

В том же ряду и оскудение мощнейшей прежде традиции журнальной литературы в России. Лишившись государственной поддержки, стремительно дорожая, журналы независимо от направления теряют своих столь же стремительно нищающих подписчиков. Одновременно рынок заваливается ярко изданным и сравнительно недорогим западным чтивом. Лет семь назад я спросил у британского филолога, известен ли ему Дж. Олдридж, любимец советских издательств. После длительного раздумья он все же вспомнил это имя. Когда недавно я назвал тому же профессору несколько наиболее часто встречаемых на наших прилавках имен

его соотечественников, он ответил, что таких писателей просто нет в природе, во всяком случае он, специалист, о них никогда не слышал... Традиция серьезного чтения – это национальное достояние, вырабатываемое веками, но теряется оно очень быстро. От чтения, которое учит думать, мы стремительно скатываемся к чтению, которое отучивает думать. Между прочим, гоголевский Петрушка тоже много читал!

Полагаю, все эти явления вписываются в тот процесс угрожающего разгосударствления страны, каковой последнее время стал беспокоить и саму правящую верхушку, сообразившую: править-то скоро будет нечем. Правда, они пока еще не возрождают Отечество, о чем без усталости твердят, а всего-навсего пытаются вернуть на место те гайки, которые свинтили из стыков государственных рельсов, но не для того, чтобы, подобно чеховскому злоумышленнику, удить рыбу, а для того, чтобы, пользуясь гайками как кистенями, бить по головам своих политических противников. Сейчас гайки прикручивают. Скоро, думаю, начнут закручивать. Это естественно: ведь и вся предшествовавшая политическая борьба была всего лишь битвой за гаечный ключ. Лично для меня важнее другое: имя поезда, который, угрожающе громыхая, мчится по полуразобранному рельсам, – Россия...

«Правда», 1995

ГРЕШНО ПЛЕВАТЬ В ЧУДСКОЕ ОЗЕРО

Давайте порассуждаем на уровне «ты меня уважаешь?» Если вы думаете, будто это сакраментальное словосочетание означает лишь то, что застолье плавно переходит в заурядную пьянку, вы глубоко ошибаетесь. «Ты меня уважаешь?» – главный, я бы сказал, краеугольный вопрос человеческих взаимоотношений, взаимоотношений государства и народа, а также взаимоотношений между народами и государствами.

Социализм с доперестроечным лицом рухнул потому, что он человека не уважал, а только учитывал как фактор. Собственно, исключительно на обещании уважать конкретного человека и пришли к власти люди, именующие себя демократами. Обманули, конечно. Более того, человека перестают учитывать даже как фактор. Межнациональные конфликты, а точнее – бойня... Опаснейшая, скрытая, но все более открывающаяся безработица... Тропический рост цен, когда стоимость гипотетической потребительской корзины в несколько раз выше символической средней заработной платы... Взрыв преступности: идешь по улице и чувствуешь себя жестяным зайцем из тира... А «новые русские»? В своем большинстве они просто-напросто заняли место номенклатуры у госкормушки, только влезли туда с ногами и не

столько едят – сколько «за бугор» утаскивают, подальше от остальных! Но довольно об этом. Очень многим сегодня хочется снова почувствовать себя хотя бы «человеческим фактором».

Сила государства – в уважении народа. Мысль не новая, но тем не менее. Может народ уважать государство, где выяснение отношений между ветвями власти заканчивается танковой пальбой по парламенту? И В. Листьев, мне представляется, погиб не от пули наемного убийцы, а от осколков тех октябрьских снарядов, рвавших в окнах черного от копоти Белого дома... Организованная преступность резонно оправдывается: «А мы-то что? Мы – как они там, наверху. Но пользуемся, заметьте, только стрелковым оружием, разве что в особых случаях подкладываем бомбы под автомобили!»

А теперь об уважении на международном уровне. Можно уважать государство, которое, решив выводить свой народ из застоя, ввело его в прострацию? Государство, которое дернуло со своих геополитических рубежей чуть не нагишом, как застуканный суровым супругом любовник? Хоть бы вещички собрали. А ведь в ту же Европу мы пришли буквально по костям миллионов собственных сограждан, что бы там сегодня ни говорили. Да, конечно, Сталин не Черчилль. Но ведь и Черчилль не Джавахарлал Неру! А можно ли уважать государство, которое собственную армию довело до такого состояния, что солдаты и офицеры боятся журналистов боль-

ше, чем вооруженного противника? Можно нас уважать, если мы ядерное оружие, как при Левше, скоро начнем кирпичом чистить? Могут американцы, поднимающие международный хай, когда их соотечественнику наступят на ногу в панамском трамвае, уважать Россию, которая с какой-то дебильной фригидностью наблюдает, как подвергаются утеснениям и унижениям 25 миллионов русских, оказавшихся вдруг за границами, прозрачными, точно старческая катаракта?

А как насчет уважения к политикам, если они, чуть что у них не ладится, бегут жаловаться на оппозицию к зарубежным коллегам, как раньше бегали жаловаться в партком на неверного супруга? Те, конечно, и посочувствуют, и поддержат, и финансовую помощь пообещают, может, и отстегнут под – немалые, разумеется! – проценты... Но ведь это – даже не жалость, это – плохо скрываемое презрение. Думаете, наши политики не понимают? Отлично понимают, но поступают в точности по рецепту своих пламенных предшественников. Те пугали нас империалистической агрессией, а нынешние – финансовым охлаждением Запада. Собственно, это единственное отличие автора книги «Государство и революция» от автора книги «Государство и эволюция», если не сопоставлять масштабы личностей.

Народ, не уважающий собственных прошлых побед, обречен на будущие поражения. Даже в самые мрачные годы наша Победа в Великой Отечественной войне была свята. И

дело не в том, что никто не знал о заградотрядах и подлом отношении к собственным солдатам, попавшим в плен. Не в том, что могли-де малой кровью, а положили миллионы. Разговор о малой крови – это вообще из области гематологии, и события в Чечне это страшно подтвердили. Наконец, дело даже не в том, что хуже – свастика или звезда. А именно такая дискуссия навязывается нам ныне. Звезду придумал, кстати, не тамбовский крестьянин... Но какая, в сущности, разница, при каком режиме народ борется за свое существование, спасая к тому же от истребления десятки народов, – при тоталитарном или демократическом? Предают-то в случае чего не режим, а Родину.

Это, кстати, относится и к многочисленным книгам В. Суворова-Резуна, которые изданы у нас тиражом едва ли не большим, чем Карамзин, Соловьев и Костомаров, вместе взятые. Кстати, я хотел бы посмотреть, каким тиражом издавались бы в США написанные успешным перебежачем к нам тем же Эймсом книги про то, что-де все американское благополучие зиждется на костях десятков миллионов несчастных негров, в течение столетий вывозимых из Африки и зачастую отправлявшихся на тот свет еще по пути в Новый Свет? Даже если бы каждое слово в книгах В. Суворова-Резуна было правдой (а это совсем не так), я бы все равно спросил: «Ну и что?» Святой Александр Невский разбил немцев и шведов вообще будучи под оккупацией Золотой Орды и пользуясь ее золотым ярыком, как аусвайсом... что ж, те-

перь из-за этого всенародно плевать в Чудское озеро?

А ведь плевали! Чего только стоила эта одно время поселившаяся в средствах массовой информации, особенно на ТВ, извиняющаяся интонация по поводу нашей Победы в Великой Отечественной войне... Мол, нет, чтобы ширпотребом прилавки заваливать да сельское хозяйство поднимать, – развоевались, аж до Берлина доперли! Да еще пол-Европы ядовитыми клыками социализма, как вампиры, перекусали! Совершенно забывая при этом напомнить, что тогда, перед войной, не пол-Европы, а вся Европа социализмом прихварывала и ради сталинского антифашизма закрывала просвещенные очи на его тоталитарные художества. Перечитайте Фейхтвангера... Вы никогда не задумывались, почему вождь своим опальным соратникам неизменно связь то с Германией, то с Японией присобачивал с тем же упорством, с каким сегодня любую оппозицию стараются в красно-коричневые записать?.. Ну конечно, чтобы просвещенную Европу порадовать!

А где было наше жаждающее международного уважения государство, когда за границами стали валить памятники советским солдатам? Очень хорошо помню эти сюжеты в информационных выпусках, когда наши, между прочим, а не их комментаторы с плохо скрываемым злорадством поучали: вот что бывает с памятниками тем, кто принес свой чудовищный строй на штыках другим народам! Давно нет уже там ни наших памятников, ни наших штыков, а коммунисты,

слегка переназавшись, то там, то тут к власти с помощью демократических выборов приходят. А нет ли в этой самой идее, как, впрочем, и в буржуазной, судя по многолетнему опыту, неких извечных, неуничтожимых исторических вирусов? Поэтому нечего из нашего народа эдакого бациллоносителя делать! Пусть время разбирается, кто кого заразил...

Результаты неуважаемости ждать себя не заставили: нас вдруг продинамили с торжествами по поводу открытия второго фронта. А некоторое время спустя случайно подзабыли, кто из союзников освобождал чудовищный Освенцим: вроде как его совместными усилиями Польши, Америки, Германии и Израиля освободили... А тут еще одна любопытная вещь выяснилась: немцы, получается, перед всеми народами за свой фашизм виноваты, но только не перед нами: оказывается, мы, по мнению Суворова-Резуна, первыми напасть хотели: танки на шинном ходу для езды по европейским автомагистрадам перед войной строили... Да если бы даже тогдашнее Политбюро открытки с Эйфелевой башней и словами «Привет от Васи из Парижа!» печатало, – какое это имеет отношение к миллионам погибших на той войне?! Если мы такими уж историческими поганцами в ту пору были, что ж западные демократии с нами против Гитлера объединялись, а не с Гитлером против нас? Конечно, в истории все было сложнее, но ведь даже сложность элементарной нравственности не отменяет!

Кстати сказать, многоуважаемых г-д Клинтона и Коля на

Красную площадь 9 Мая мы приглашаем не бюсту «вождя народов» кланяться, а склонить головы перед памятью этих неслыханных миллионов. Вот ведь в чем дело. Но эти господа затрудняются даже пообещать, что приедут на наш главный праздник: не уважают! Одного война в Чечне смущает. Не буря, понимаете ли, это в пустыне! Другому в качестве командировочных подавай художественные ценности, вывезенные из размолоченной Германии в качестве компенсации за неисчислимы культурные утраты, понесенные нашей страной в годы войны! Реституцией это, извините за выражение, называется.

Но давайте встанем на их место! Трудно – но попытаемся. Мы бы, например, на их месте поехали? Поехали бы в страну, куда посылаются списанная с их военных складов тушенка и недоношенная их гражданами одежка? В страну, которая к своим недавним союзникам и в Европе, и в Азии, и в Африке относится с переменчивостью склеротической кокетки? В страну, где один журналист в связи с убийством другого журналиста заявляет многомиллионной телеаудитории: «Теперь в этой стране делать нечего. Надо уезжать!»?

Человек может жить, где хочет. Но для подобных заявлений существует ОВИР. При чем тут национальное телевидение? Поехали бы мы с вами на праздник в страну, которая наряду с нефтью экспортирует за рубеж тонны боевых наград, принадлежащих умершим и живым ветеранам, ибо живым, как ни странно, нужно есть? В страну, еще до сих пор не

захоронившую прах тысяч воинов, лежащих в сырой земле там, где их и застала гибель?! В страну, где страшным словом «фашист» политики в своих шкурных интересах пользуются, как продавцы клейкими ценниками в универсаме?! Вы любите ходить на юбилеи к неуважаемым людям? Я не хожу. Поэтому на их месте я бы тоже не приехал. Поэтому-то и звать-надрывать не след...

Впрочем, зачем нам ставить себя на их место? У нас есть свое место – и оно в России. А слово «уважать» подходит к взаимоотношениям между людьми, между народом и государством, между государствами, но только – не между человеком и его Родиной. Родину, простите за подзабытую банальность, можно только любить. По-всякому – с нежностью, с восхищением, с уважением, с горечью, с досадой, – но только любить... Поэтому нас-то на праздник Победы звать не надо. Мы придем – со слезами на глазах, как поется в песне. Будем праздновать эту святую дату с уважением к прошлому Отечества и с надеждой, что уж следующий юбилей Победы отметим с уважением к настоящему Державы. А это, поверьте, немало для нашего неуважительного времени...

«Труд», 1995

НАШИ ГОСТОМЫСЛЫ

Эпоха перемен – это всегда время авантюристов и подвижников, воругов и работяг, гостомыслов и патриотов. Первые начинают, процесс идет, а когда страна превращается в грудку обломков, за дело берутся вторые и спасают государство. Почему вторые никогда не начинают первыми – одна из загадок российской истории.

1. Кто такие гостомыслы?

Великий Лев Гумилев считал, что слово «гостомysl» только со временем превратилось в имя собственное, обозначив полумифического старейшину Гостомысла, призвавшего Рюрика владеть нами, беспорядочными. А первоначально «гостомыслами» на Руси называли тех, кто благоволил иноземцам – «мыслил гостям». Люди, определяющие сегодня судьбу страны, не только зачастую «мыслят гостям», но и мыслят как гости...

Гостомыслы есть в любом народе. Проще всего, конечно, объяснить дело кровью, генами, и всех людей, в ком течет хоть капля «нетитульной» крови, объявить потенциальными гостомыслами и строго за ними приглядывать (так, кстати, и поступают на государственном уровне во многих местах ближнего зарубежья). Но что тогда делать с русским лингвистом Иваном Бодуэном де Куртене, героем Севастополя инженер-генералом Эдуардом Тотлебенем, мастером русского стиха Борисом Пастернаком и тысячами других известных и миллионами неизвестных людей, верно служивших государству Российскому, которое никогда бы не достигло своих размеров и мощи, если бы занималось выяснением, откуда приехал Аристотель Фьораванти, почему Пушкин смахивает на эфиопа и зачем такая странная фамилия у летчика Гастелло. Гостомысльство – мировоззрение. Оно формиру-

ется иногда семьей, иногда обстоятельствами, чаще идеологией, порой это просто характер, а характер нынче принято объяснять исключительно астрологией. Я знал одного гостомысла, буквально ненавидевшего страну, где родился, за то, что вместо коммуналки он никак не мог получить отдельную квартиру. Он говорил, что в Европе каждый работающий имеет коттедж. Мысль о том, что он мог родиться в Африке, где попросту умирают с голода, ему в голову не приходила. Сейчас он в Америке, и эта страна ему тоже не нравится, потому что в районе, где он живет, много негров, а на более приятное окружение у него не хватает денег.

Но это – примитивное, потребительское гостомысльство. Бывает и другое – интеллектуальное. Вот литератор Л. Бержин, именующий себя «русским православным европейцем», с презрением пишет в «Новом мире» про мордастого лавочника в картузе и поддевке, сдувающего пену с пивной кружки, сплевывающего на мостовую шелуху подсолнечников и призывающего к еврейским погромам... А буквально через несколько абзацев наш русский православный европеец с восторгом живописует «почтенных немецких пивоваров, наполняющих пенистой струей тяжелые кружки» и с партитурой в руках слушающих оперы Вагнера и симфонии Брамса... Я даже не буду останавливаться на том общеизвестном факте, что чудовищный многомиллионный погром, в том числе и еврейский, вылился не из российских трактиров, но как раз из музыкальных немецких пивных, а толь-

ко напомню, что «мордастый лавочник» вместе с чадами и домочадцами сгинул после революции в подвалах ЧК или в ГУЛАГе и, вполне возможно, по приговору какого-нибудь «русского европейца»...

И еще я хочу отметить это безотчетное и в то же время умозрительное (ведь поддевку-то автор только на старых карикатурах или в музеях видел) пренебрежение к собственному народу: и пену-то он не так сдувает, и картуз-то носит, и семечками мусорит. Эх, да европейские или американские зрительные залы к концу дня просто завалены бумажками от жевательных резинок и чипсов – этих семечек конца XX века. Ну и что с того?

Кстати, именно эта разновидность гостомыслов-интеллектуалов постоянно говорит о народе как об источнике повышенной опасности. Сейчас вот достали всех пресловутым «русским фашизмом», которым, конечно же, легче себе самим и миру объяснить грозное недовольство ограбленного и согнанного с родных мест населения (обобранные крестьяне, кстати, тоже гостомыслам-переломщикам в свое время очень не нравились: «запечный разврат» и все такое прочее!). Но фашизм-то тут при чем? Такой терпимый к иным племенам и незлопамятный народ, как наш, еще поискать! Если б не так, то во время буденновской бойни чеченскую диаспору на российских просторах на куски разорвали бы. Но не было такого и не будет, что бы там ни накликивали заполошные чибисы «русского фашизма»!

2. Без порток, но в джинсах

Объективности ради надо сказать, что советская власть немало потрудилась над формированием довольно обширной колонны гостомыслов в стране. Это были гостомыслы-романтики, и такой тип мировоззрения мог сформироваться только за железным занавесом в условиях господства моноидеологии. Если человека насильно заставляют верить в Бога, он верит в черта, если заставляют верить в коммунизм, он верит в антикоммунизм.

Мы проиграли Третью мировую войну, потому что мы проиграли войну идеологий, а войну идеологий мы проиграли, потому что проиграли войну жизненных стандартов. О том, почему это произошло, написано уже много – и о неповоротливости нашей экономики, и о скованности людской инициативы, и о зловещем преобладании группы А над группой Б... Сейчас, правда, стали писать, что в результате реформ А упало, Б пропало, но это – тема отдельного разговора...

Застой у нас, конечно, был, но это был, если так можно выразиться, проточный застой... Мы хотели большей социальной справедливости, а огребли большую социальную несправедливость. Вместо того чтобы расчистить протоки, второй раз за столетие решили рыть новое русло. За то и расплачиваемся! Расплачиваемся за главный принцип госто-

мыслов: или так, как там, или никак! Неважно, где «там» – в капиталистической Европе или в «Капитале» Карла Маркса. Правда, острое недовольство своим уровнем жизни было в основном у элиты, не случайно несгибаемые большевики, до старости довольствовавшиеся регулярным продуктовым заказом и бесплатной путевкой в барвихинский санаторий, своих детей и внуков старались пристроить поближе к той небольшой скрипучей дверце в железном занавесе, которая помогала приобщаться к жизненным стандартам идеологического противника. Окончив спецшколу и хороший вуз, потомки старых большевиков, привозя из-за границы джинсы и запретный том Генри Миллера, говаривали, что мы так не умеем ни шить, ни писать. При этом они как-то не задумывались, что если б не преобразовательный зуд их дедов, то наши Саввы Морозовы и другие работяги в картузах и поддевках завалили бы джинсами с романтическим названием «портки» полмира, а что касается генри миллеров, то они у нас перед революцией косяками ходили, как карпы в правительственном пруду. Кстати, по одной из легенд, Гостомысл был внуком Вандаля. Улавливаете? Впрочем, скрипучей дверью пользовался авангард гостомыслов, большинство же ограничивали свой кругозор щелями и дырочками в проржавевшем железном занавесе. Это многое объясняет в наших нынешних заморочках и в наших нынешних лидерах. Чего только стоит один московский префект, принимавший население, надев форму американского шерифа... Пу-

стячок, а символ!

Обозначился и главный политический постулат гостомыслов-романтиков. «Заграница нам поможет...» Такая, понимаете, разновидность идеи мировой революции, только теперь идущей в обратном направлении. Но загляните в любой учебник истории: если в чем и может одна великая геополитическая общность помочь другой, так только в максимально быстром и бесшумном исчезновении с арены мировой истории. Можно дружить семьями, народами, даже государствами. Геополитическими интересами, зачастую противоположными, дружить невозможно. Новое мышление – это когда любители отбивных, опасаясь, что мяса на всех не хватит, начинают пропагандировать вегетарианство. Смешно, но окруженная убежденными мясоедами Россия на эту диету села и сразу катастрофически потеряла в весе. Нынче ее просто качает атлантическим ветром. А немалую часть населения качает от недоедания...

«А права человека?!» – воскликнете вы. Вот ведь совсем из головы вылетело! Тут, конечно, неоспоримая заслуга гостомыслов, настолько неоспоримая, что впору ставить памятник. Я бы предложил поставить танк. На площади Свободы, возле Белого дома. Вот ведь парадокс: люди, не простившие советской власти танки на Вацлавской площади, бурно приветствовали танки на Краснопресненской набережной. Большевики начали с холостого залпа «Авроры», а закончили ГУЛАГом. Чем могут закончить гостомыслы, пред-

почитающие кумулятивные снаряды, одному Богу ведомо. Впрочем, о Чечне, сначала старательно вооруженной, а теперь кровавой ценой замиряемой, ведаем и мы... «Но свобода слова?!» – еще раз воскликнете вы. Да, конечно... Только наша нынешняя свобода слова напоминает мне родовой послед, стремительно пожираемый самой же сукой...

3. Портрет Дориана Грея

Но мало кто предвидел это в 1985-м, когда гостомыслы взяли власть в стране одной рукой, и понимал в 1991-м, когда они взяли власть обеими руками. Чтобы понять, понадобилось время.

Понадобились чудовищные внешнеполитические провалы Горбачева – этого лучшего немца всех времен и народов; крах реформ Гайдара – этого классического гостомысла, чьим именем еще долго будут пугать студентов экономических факультетов во всем мире; понадобился развал СССР, на который Б. Ельцин, борясь за власть, пошел сознательно, но и не без влияния советчиков-гостомыслов, говоривших примерно следующее: «Да куда они, Борис Николаевич, денутся – все равно прибегут к нам со своими кринками, казанами и бурдюками за нашей расейской нефтьюшкой!» Прибежали... А что толку? За такие советы Иван Грозный смолу в глотку заливал. Понадобилась чередка геополитических унижений, когда нам мягко, но твердо объяснили, что сфера интересов Запада везде, а сфера интересов России ограничивается восстановленным Красным кремлевским крыльцом. В ответ на запоздалые упреки советники, как и положено людям с гостевым мышлением, отвечают теперь, что, если ими недовольны, они готовы хоть сейчас уехать преподавать куда-нибудь в Гарвард. Но не едут... Только один на

моей памяти, сброшенный в буквальном смысле слова с теплохода современности, отбыл послом в Ватикан. Но их время кончается, это понимают все – и острее других, между прочим, сам Б. Ельцин, человек с выдающимся инстинктом самосохранения.

Полагаю, он осознал, а может быть, понимал всегда, исходя из той же истории КПСС: с помощью гостомыслов можно взять власть. Но направить эту власть на созидание, а не на разрушение, опираясь на гостомыслов, невозможно. И они, легко прощавшие Б. Ельцину многие ошибки и несуразицы, этого понимания своей политической неуместности никогда ему не простят. Неуклонная сатиризация образа президента в средствах массовой информации – самое верное тому свидетельство... Иногда этот образ напоминает мне своего рода портрет Дориана Грея, зловеще запечатлевающий всю безнравственность и бестолковость гостомысльского периода нашей истории. Вероятно, гостомыслы-романтики полагают, что таким образом сами они в глазах общества останутся чистыми и непорочными, как нецелованный и непьющий юноша Дориан... Напрасно. Приходит время других людей. Они, кстати, все чаще, к неудовольствию гостомыслов с подпольным стажем, появляются в коридорах власти. Наша верхушка уже сегодня напоминает диковатую пару времен Гражданской войны: кожаный комиссар из германского вагона и красный военспец из окопов германской... Но сначала несколько слов о сформировавшейся за последние

ГОДЫ НОВОЙ разновиднОСТИ ГОСТОМЫСЛОВ – ПРАГМАТИКАХ.

4. Насчет клубнички

Они – плод маниакального стремления боевитых внуков создать класс собственников в такие же сжатые сроки, в какие их деды в пыльных шлемах этот класс уничтожили.

В идеале формирование нового класса собственников мыслилось наподобие того, как в последние годы «застоя» работали некоторые колхозы-клубниководы: заходишь в поле, шесть туесков собираешь колхозу, седьмой – себе. Кто быстрее собирает, тот больше домой клубники и уносит. Но то ли в результате неумных законов, то ли в целях быстрее-шего создания нового класса – опоры реформ – уносить с колхозного поля стали всё, что собрали, а тем, кто сажал, поллил, поливал, травил садовых вредителей, ничего не доставалось, кроме нищенской зарплаты с полугодовым опозданием. Но это еще не все. Поскольку желающих попользоваться насчет клубнички оказалось слишком много, самые сообразительные и крутые стали действовать методом кнута и пряника. Пряник с большим количеством нулей – председателю колхоза, чтобы других в поле не допускал. Кнут – наивным гражданам, воображившим, будто в садовом бизнесе все дело в усердии и умении быстро рвать ягоды... Вот вам исток нашей чудовищной коррупции и преступности.

И это еще не все: совершенно не беспокоясь о том, как отразятся их действия на будущих видах России, гостомыс-

лы-прагматики нашу с вами «ягоду» гонят по дешевке за рубеж, а выручку складывают в тамошних банках, улучшая и без того не кислую зарубежную жизнь и ухудшая нашу и без того несладкую. Но гостомыслам-романтикам дела до этого безобразия нет, они обещали, что уже наше поколение будет жить при капитализме, и в отличие от коммунистов, не дотянувших по многим причинам до социализма с человеческим лицом, свое слово сдержали, ввергнув нас в капитализм с неандертальской мордой.

Но шутки – в сторону. Итак, что мы имеем в результате? А имеем мы страну, отброшенную в своей геополитике в XVII век. Хотел бы я узнать, что сказали бы американцы, вдруг в результате реформ проснувшиеся в деревянном форте, обложенном гикающими индейцами? Мы имеем такое удручающее расслоение общества, что осталось только ввести закон, по которому 95 процентов населения должны падать ниц перед приближающимся «мерседесом» и под страхом отсечения головы не подниматься с колен до тех пор, пока не рассеется пыль. Мы имеем войны и предвоенное напряжение на рубежах – верный признак развала страны. Алмазная республика Якутия, Амурско-китайская автономия или Прикаспийский черноикорный каганат – не такая уж нелепая фантазия. Мы имеем неслыханный упадок национальной науки и культуры, неведомый даже в те времена, когда гостомыслы в кожанках пароходами сплавливали философов за границу. Мы имеем мощнейший, чисто колониальный натиск

западной массовой культуры и идеологии. Реформа гуманитарных наук в школе и вузах движется в таком направлении, что для следующих поколений солнце будет всходить с Запада, а сама Россия с замороженным населением будет восприниматься как несчастная часть Аляски, которую царь-освободитель не успел вовремя продать в цивилизованные руки, так как был убит арабскими террористами, а потом началась черносотенная реакция – и стало не до этого...

5. Последнее прибежище

Что мы можем? Единственное: отправить самых неугомонных гостомыслов-романтиков преподавать на Запад. Если их не будут брать, сброситься всем миром и дать взятку, чтобы взяли... Если они и там примутся за реформы, баланс мировых сил может резко измениться в нашу пользу. К власти должны прийти патриоты – не те люди с ущербно-озлобленными лицами и бредовыми лозунгами, не те недотыкомки, которых старательные операторы выискивают на каждом оппозиционном митинге и которых, по теории вероятности, можно обнаружить при любом большом скоплении людей, даже на встречах либерально настроенной интеллигенции с президентом. К власти, разумеется, в результате выборов должны прийти патриоты в первоначальном смысле этого слова, не замутиненным лукавыми толкованиями, люди, готовые на жертвы, лишения, даже унижения, – чтобы вытащить страну из грязи и вернуть основной части населения для начала хотя бы тот уровень жизни и безопасности, с какого стартанули пресловутые реформы. И прежде всего нужно прямо сказать: да, у России, как у любой другой страны, – свой собственный путь. Возможно, все семьи счастливы одинаково, а несчастны по-разному, но с народами дело обстоит как раз наоборот: все народы несчастны одинаково, а счастливы по-разному.

Ради реального, а не фуршетного возрождения страны стоит потерпеть и затянуть потуже пояса, хоть ту же вроде уже и некуда. Кстати, и гостомыслы уже не обещают нам скорого благоденствия, но тоже предлагают потерпеть. И если уж терпеть, то ради восстановления державы, а не ради дальнейшего ее растаскивания. Да, нас ждет пора самоограничений и ригоризма. Это неизбежно после такого разгрома государства и экономики. Но самоограничения надо начинать сверху, а не снизу, как сейчас. В свое время был введен партийный максимум, то есть строгое ограничение доходов нового красного чиновничества. Может быть, именно с этого и началось то «преодоление большевизма», о котором писал в свое время Н. Бердяев. Партмаксимум, увы, впоследствии сменился номенклатурным злоупотреблением. Сегодня мы живем в обстановке «демократической» обираловки. Выход – патриотический максимум, самоограничение ради будущего наших детей. Способ – личный пример власть имущих. Политики, начинающие строительство светлого будущего со своей четырехэтажной виллы, нам не нужны. Впрочем, они не нужны нигде...

А что же делать, спросите вы, с гостомыслами-прагматиками? Ничего. Они на то и прагматики, что как только им будет выгодно зарабатывать на усилении собственной державы и обогащении народа, а не на ее ослаблении и грабеже, они сразу станут патриотами, пусть патриотами-прагматиками. Отлично! Одни будут «умом Россию понимать», а

другие будут в нее «просто верить». Так и сработаемся. Так и победим. Останутся, конечно, и те, что будут упорно проповедовать гостомысльство, эдакие гостомысли-фундаменталисты. Тоже хорошо! В небольших количествах (и не у власти) гостомысли нужны каждому обществу; чтобы голова от успехов не кружилась и чувство национальной исключительности под ногами не путалось. Но уверяю вас, большинство гостомыслов-романтиков, как это уже и бывало в нашей истории, дело себе отыщут. Став истошными патриотами и обнаружив в сдувании пивной пены символ исконной народной удали, они будут ездить по городам и весям с лекциями «Россия на страже прогресса», писать книги «Смердящие штаты Америки», а в телевизионных репортажах возмущаться ленью и филистерством западного общества. Их даже урезонивать придется: мол, что вы такое несете? Америка – прекрасная страна, а народ там просто замечательный... Но вряд ли они послушают, может, даже начнут обвинять нас в антироссийских настроениях. Но это будет завтра, а сегодня они еще любят, словно заглядывая в будущее, повторять вслед за британцем С. Джонсоном слова, которые почему-то приписываются Льву Толстому: «Патриотизм – последнее прибежище негодяя...» Я бы, правда, перефразировал помягче: «Патриотизм – последнее прибежище гостомысла...»

«Труд», 1995

ЧЕЛОВЕК ПЕРЕД УРНОЙ

Двадцать один совет другу-избирателю

Скоро выборы в Думу. Многие средства массовой информации с деликатностью агрегата для забивания свай убеждают нас, что ничего путного из этих выборов не получится, что список кандидатов напоминает по толщине «телефонную книгу» и что нормальные граждане на выборы вообще не придут. А для тех, кто плохо поддается внушению и все-таки собирается прийти к урнам, постоянно публикуются различные рейтинги, которые так же соответствуют действительности, как членораздельная надпись на сарае его реальному содержимому.

Идти на выборы, конечно, надо, хотя бы для того, чтобы по заслугам отблагодарить тех, кто руководил нами в последние годы и явно отсидел свое, по крайней мере в Думе. Но как снова не ошибиться, как сделать такой выбор, чтобы не было мучительно стыдно последующие пять лет, а возможно, и всю оставшуюся жизнь? Вот несколько советов. Надеюсь, они помогут вам избежать досадных промахов и выбрать таких депутатов, которые будут видеть в нас людей, а не электорат.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.